Master Negative Storage Number

OCI00049.10

Pazukhin, A. M.

Boiarin Orsha, ili, Strashnaia mest'

Moskva

1899

Reel: 49 Title: 10

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OC00049.10

Control Number: BGM-1931
OCLC Number : 24860267
Call Number : W 381.5917B P299b
Author : Pazukhin, A. M. (Aleksei Mikhailovich), b. 1851.
Title : Boiarin Orsha, ili, Strashnaia mest' ottsa : istoricheskii roman / soch. Pazukhina.
Imprint : Moskva : Izdanie knigoprodavtsa E.A. Gubanova, 1899.
Format : 107 p. ; 17 cm.
Note : Color ill. on cover.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10.28-94
Camera Operator: CS

W 94.

Orphanage

W 381-591-B
P2995

БОЯРИНЪ ОРША

или

СТРАШНАЯ МЕСТЬ ОТЦА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

Соч. Пазухина.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца Е. А. Губанова.
1899.

Дозволено цензурою Москва, 4 іюля 1898 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Тайна зла.

Красивъ и величественъ древній градъ Кіевъ со своими церквами, теремами и садами! Красивъ и прекрасенъ широкій Днѣпръ! Его быстрыя, бурливыя волны бѣгутъ и журчатъ какой-то невѣдомой отвагой.

Перенесемся, любезный читатель, въ Кіевъ 1632 года и посмотримъ, что происходило тогда въ этой древней столицѣ Русскаго государства.

На самомъ берегу Днѣпра красовался высокій, вычурной отдѣлки, теремъ боярина Орши. Великъ и могуществеенъ былъ Орша, и не только Кіевъ, но и Москва знала о семъ именитомъ, богатомъ и славномъ бояринѣ. Его богатый теремъ считался лучшимъ въ Кіевѣ, и многіе бояре кіевскіе, вмѣстѣ съ уваженіемъ, чувствовали какой-то страхъ къ хозяину этого терема. Въ

самомъ дѣлѣ, Орша былъ гордъ и имѣлъ непреклонную волю. Высокій, представительный, съ длинной бородой, онъ невольно внушалъ каждому почтеніе къ себѣ. Его зоркіе сѣрые глаза угрюмо смотрѣли изъ-подъ нависшихъ густыхъ сѣдыхъ бровей, а тонкія губы были постоянно сжаты. Часто, бывало, видали кіевляне, какъ бояринъ Орша ходилъ около своего богатаго терема, глубоко задумавшись. Недоумѣвали кіевляне, отчего онъ можетъ печалиться, все у него было: и золота и почести, и здоровье; но, казалось, ничто не радовало старика. Прогулявшись нѣсколько времени, бояринъ отправлялся въ теремъ и входилъ въ верхнюю свѣтлицу. Тамъ, на лавкѣ сидѣла на мягкомъ персидскомъ коврѣ молодая дочь боярина, Наташа. Ей было лѣтъ семнадцать, и по своей наружности, ее вполнѣ можно было назвать красавицей: длинныя русыя косы волнами обхватывали ея бѣлую шею и спускались чуть ли не до колѣнъ; голубые глаза очаровательны, станъ гибокъ и строенъ. Бояринъ Орша любилъ до безконечности свою Наташу, единственную дочь, утѣху его жизни. Онъ зналъ, что послѣ его смерти все богатство должно достаться дочери, и поэтому часто думалъ о судьбѣ Наташи, съ кѣмъ она будетъ соединять свою жизнь и идти рука объ руку на жизненномъ пути, кто будетъ

обладателемъ ея, кто будетъ супругомъ красавицы, очаровательной Наташи. Правда, уже много было жениховъ у богатой и красивой дочери боярина Орши, но еще никто не удостоился счастія получить ея руку, а объ сердцѣ ужъ нечего и говорить! — Наташа еще никого не любила, всѣ кіевскіе витязи казались ей обыкновенными смертными, никто не прельстилъ ее своей красотой и отвагой. Отецъ, какъ сказано было выше, сильно любилъ ее, а потому не принуждалъ выходить замужъ за нелюбимаго.

— Еще молода, пусть поживетъ да понѣжится въ своей дѣвичьей жизни, думалъ Орша, придетъ время, и сама запросится замужъ, пусть еще поживетъ у меня: одна она у меня радость. И старикъ грустно опустилъ голову, а на его глазахъ показались слезы. Онъ зналъ, что еще годъ-два, и его Наташа перейдетъ къ мужу и останется онъ одинъ въ своемъ высокомъ теремѣ.

— Но зато у меня будутъ внучата, будетъ кому оставить свое богатство, утѣшалъ себя Орша.

А Наташа жила да жила въ теремѣ своего батюшки, какъ птичка въ клѣткѣ. Сходитъ, бывало, Наташа въ праздничный день къ обѣднѣ въ церковь, усердно помолится

и, возвратившись домой, сядетъ у окна узорчатаго своей свѣтлицы и глядитъ на раздольный широкій Днѣпръ. Думаетъ Наташа, куда-то плыветъ Днѣпръ, что-то тамъ, дальше, за моремъ? Замечтается дѣвушка и вздремнетъ; положитъ русую головку на бѣлыя руки и спитъ. И видитъ она сонъ: видитъ она, какъ за моремъ стоитъ чудесный заморскій городъ и сколько тамъ растетъ апельсиновъ, лимоновъ, ягодъ разныхъ, какіе тамъ дворцы. Придетъ Наташина мамушка, Власьевна, и разбудитъ свою любимицу:

— Вставай, Натаценька, головка заболитъ.

Проснется Наташа, обниметъ няню и весело засмѣется. Потомъ станетъ разсказывать ей свой сонъ. Чудное покажется старушкѣ, что дитя ея увидало такой сонъ, и начнетъ ей его объяснять.

Итакъ бояринъ Орша вошелъ въ свѣтлицу дочери своей, и они крѣпко поцѣловались.

— Я пришелъ къ тебѣ съ новостью, сказалъ Орша, не знаю, будешь ли ты рада ей, мое дитятко.

— Говори, батюшка, что такое? живо отвѣчала Наташа.

— Я получилъ письмо, гдѣ говорится о тебѣ, продолжалъ Орша.

— Обо мнѣ! вскричала дочь.

— Да, вотъ слушай.

И бояринъ Орша вынулъ изъ кармана письмо и началъ его читать:

„Любезный бояринъ Орша, пылая сильно страстью къ твоей дочери, я прошу ея руки. Я молодъ, богатъ и знатенъ, и твоя гордость не пострадаетъ. если я буду твоимъ зятемъ.

„Бояринъ Курбскій“

Наташа, услыша это, сильно поблѣднѣла и сказала,

— Батюшка я еще не хочу замужъ.

— Не пугайся, дитятко, ласково проговорилъ Орша, ты знаешь, какъ сильно я люблю тебя и никогда не приневолю тебя выйти замужъ, за кого ты не хочешь.

— Добрый батюшка я не хочу разстаться съ тобой, мнѣ врядъ ли гдѣ будетъ лучше, чѣмъ здѣсь! вскричала дѣвушка. Отецъ горячо поцѣловалъ дочь.

— Ты знаешь боярина Курбскаго? спросилъ отецъ, пытливо смотря на дочь.

— Батюшка, смутившись, отвѣчала Наташа, разъ я была въ церкви и замѣтила

какъ тамъ пристально на меня смотрѣлъ какой-то молодой бояринъ, и я услышала, какъ голоса около меня говорили: „Знать, Курбскому по сердцу пришлась дочь Орши, что онъ такъ долго не сводитъ съ нея глазъ“. Когда же я вышла изъ церкви, то тотъ же бояринъ шелъ слѣдомъ за мной до самаго нашего дома.

— И красивъ онъ? спросилъ Орша, нахмуривъ свои сѣдыя брови.

— Я плохо видѣла его, но почему-то онъ мнѣ не нравился.

— Дерзкій шутъ! гнѣвно вскричалъ Орша, какъ смѣетъ онъ такъ поступать съ дочерью боярина Орши! О, я покажу ему!

И Орша сильно стукнулъ по столу кулакомъ, такъ что стоящій на немъ серебряный кубокъ съ трескомъ упалъ на полъ.

— Успокойся, батюшка, Богъ съ нимъ, вѣрно, онъ не зналъ, кто я, иначе не сталъ бы слѣдовать за мной, сказала Наташа.

— Нѣтъ, дочь моя, этотъ Курбскій, онъ заѣхалъ къ намъ, такъ и думаетъ, что въ Кіевѣ, какъ въ деревнѣ, все можно продѣлывать.

Послѣ этого Орша взялъ письмо Курбскаго и разорвалъ его на мелкіе куски.

— Такихъ жениховъ я провожаю со двора кнутомъ, сказалъ онъ.

Наташа старалась успокоить отца, зная, что въ гнѣвѣ онъ бываетъ страшенъ, и — чего добраго — въ самомъ дѣлѣ продѣлаетъ какую-нибудь штуку съ Курбскимъ.

— Хорошо, дитятко, я не трону его, отвѣчалъ уже спокойно Орша. И онъ, крѣпко поцѣловавъ дочь, вышелъ.

Оставшись одна, Наташа сѣла у окна и, задумавшись, смотрѣла на Днѣпръ, вдругъ она вскрикнула: у самаго ихъ терема, на ворономъ конѣ гарцовалъ всадникъ. Это былъ молодой бояринъ Курбскій. Заломивши лихо на бекрень соболью шапку, онъ пристально всматривался въ окно терема.

— Несчастный! прошептала Наташа, отецъ увидитъ его!

И она съ испугомъ отскочила отъ окна. Она прилегла на постель и долго прислушивалась, но все было тихо, и Наташа успокоилась.

Черезъ нѣсколько дней бояринъ снова вошелъ въ свѣтлицу дочери. На этотъ разъ лицо его было весело, глаза блестѣли какимъ-то счастливымъ огнемъ.

— Дорогое мое дитя! нѣжно проговорилъ онъ, обнимая дочь.

— Милый батюшка, сказала Наташа прижимаясь къ отцу и не понимая причины его веселости.

Тогда Орша усадилъ Наташу рядомъ съ собою и началъ съ нею такой разговоръ:

— Дочь моя любезная, ты—знаешь уже, что я старъ и что смерть можетъ похитить меня каждый день и такимъ образомъ ты остаешься одна, сиротою. Вотъ это-то меня сильно и безпокоитъ; я потому я надумалъ, что гораздо лучше тебѣ пристроиться при моей жизни. Дѣло стало за женихомъ, но вотъ теперь у меня есть такой на примѣтѣ. Это сынъ боярина князя Друбецкого. Отецъ его былъ моимъ другомъ и въ молодости мы вмѣстѣ съ нимъ воевали съ поляками. Вчерашній день сюда пріѣхалъ молодой Друбецкой изъ Новгорода и привезъ мнѣ письмо отъ своего родителя, который пишетъ мнѣ, что когда-то мы съ нимъ, еще бывши холостыми, условились и дали другъ другу клятву, что если у насъ будутъ у кого-нибудь дочь, а у кого сынъ, то пожениться ихъ и такимъ образомъ породниться. Теперь онъ напоминаетъ мнѣ объ этой клятвѣ и указываетъ на своего сына и на тебя, какъ на средство быть родными. Сынъ его молодецъ бравый и изъ себя красивый, да, впрочемъ, вотъ ты сама его увидишь, сегодня онъ будетъ у насъ.

Слушая своего отца, Наташа сидѣла блѣдная и дрожащая, а что заставляло ее быть такою, читатель узнаетъ ниже.

— Итакъ, дружокъ мой, продолжалъ Орша, теперь настала пора тебѣ успокоить меня, и себя устроить. Я могу тебѣ совсѣмъ поручиться за молодца Друбецкого, онъ витязь скромный, тихій и красивый лицомъ. Ты знаешь, что я богатъ и что все это мое богатство достанется тебѣ и твоему мужу. О, какъ я буду счастливъ, имѣя у себя на рукахъ внука!

Наташа порывисто бросилась на грудь отца и, громко зарыдавъ, проговорила чуть слышно:

— Батюшка, родной мой, не выдавай меня замужъ!

— Милая моя, но вѣдь тебѣ ужъ время, да и женихъ самый подходящій, отвѣчалъ Орша.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не пойду замужъ, батюшка! говорила Наташа.

— Ты ещё ребенокъ, дочурка моя, ласково сказалъ отецъ, вотъ погоди, увидишь своего суженаго, иное заговоришь.

— Нѣтъ, нѣтъ, не пойду, твердила дѣвушка.

Бояринъ Орша вышелъ, почти нисколько не опечалившись нежеланіемъ дочери идти замужъ. Онъ думалъ про себя, что Наташа еще очень молода, и что ее страшитъ перемѣна жизни.

— Авось, увидитъ молодца, другое заговоритъ, рѣшилъ Орша.

На другой день въ свѣтлицу къ Наташѣ вошла ея мамушка и сказала:

— Ягодка моя, батюшка приказалъ тебѣ выйти въ нижніе покои.

— Зачемъ? спросила Наташа.

— Тамъ сидитъ какой-то молодой гость и бояринъ хочетъ, чтобы онъ видѣлъ тебя.

— Няня, голубушка, что мнѣ дѣлать? дрожащимъ голосомъ вскричала боярышня.

— А что, дитятко? Иди, ничего, нужно слушаться родителя.

— Няня, я боюсь... сказала Наташа.

— Господь съ тобой, чего тебѣ бояться, не съѣдятъ тебя, утѣшала старушка.

Наташа продолжала дрожать, словно лихорадка трясла ее.

— Баютъ у насъ, что это пріѣхалъ суженый твой, продолжала Власьевна, а ужъ какой онъ молодецъ, на чудо, право: высокій, румяный да вожеватый.

Но боярышня плохо слышала описанія красоты гостя старушкою. Кое-какъ, наконецъ, собравшись съ силами, она надѣла парчевой свой кафтанъ, приколола кокошникъ и вышла внизъ.

Опустивши долу свои прекрасныя глаза, съ матовой блѣдностью на лицѣ, Наташа была очень прекрасна. Тамъ на лавкѣ, въ большой горницѣ она увидѣла отца, который сидѣлъ рядомъ съ молодымъ человѣкомъ. Этотъ гость былъ лѣтъ двадцати двухъ, юноша черноволосый, румяный, съ ясными карими глазами; сейчасъ было видно, что этотъ человѣкъ былъ очень добрый. При входѣ Наташи, онъ быстро взглянулъ на нее, потомъ всталъ и почтительно поклонился. Дѣвушка сѣла въ уголъ.

— Это моя дочь Наталія, сказалъ бояринъ Орша, указывая на дочь гостю, а это сынъ моего друга, князь Дмитрій Антоновичъ Друбецкой, прошу любить и жаловать.

Наташа была въ такомъ волненіи, что даже и не взглянула на гостя. А тотъ не спускалъ съ нея глазъ, видимо любуясь красавицей.

— Что ты сегодня такая блѣдная, да печальная, дитятко? спросилъ Орша.

— Мнѣ не здоровится, батюшка, отвѣчала Наташа.

Потомъ она отпросилась у отца и вышла. Придя къ себѣ въ свѣтлицу, Наташа бросилась въ постель и горько заплакала.

— Что съ тобой, дитя мое? заботливо спрашивала ее Власьевна.

Наташа не отвѣчала, продолжая проливать слезы.

— Аль женихъ тебѣ не нравится? Кажись, бояринъ красивъ и пригожъ? Э, дитятко, меня выдавали замужъ, такъ тоже также плакала.

Боярышня еще громче заплакала и сквозь слезы заговорила:

— Няня... я не пойду... за него... не пойду.

— Развѣ не понравился?

— Я и невидала его но... не пойду.

Задумалась Власьевна и тихо сказала:

— Ужъ не приглянулся ли какой молодецъ моей ягодкѣ?

Наташа плакала и не отвѣчала.

— Няня, наконецъ проговорила она дрожащимъ голосомъ, я умру лучше, а за Друбецкого не пойду, хотя онъ и ни чего, красивый и добрый, но онъ никогда не будетъ моимъ мужемъ... потому, что я... Тутъ Наташа такъ тихо что-то сказала, что Власьевна спросила:

— Что, ягодка?

— Я люблю другого, чуть слышно сказала Наташа.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Страшное открытіе.

Ясный день занялся надъ Кіевомъ, когда разъ рано утромъ бояринъ Орша отдалъ приказаніе собираться своимъ холопамъ на охоту, Много было холопей у Орши, и яркимъ цвѣтомъ, словно радуга разноцвѣтная, загорѣлся дворъ Орши, когда слуги выѣхали на своихъ лихихъ коняхъ, въ красныхъ, зеленыхъ, желтыхъ и проч. кафтанахъ. Вотъ вышелъ на крыльцо своего терема Орша, и слуги сняли съ головы свои шапки. Когда охота направилась вдоль улицъ, то кіевляне шептались:

— Вонъ поѣхалъ бояринъ Орша на охоту!

Уже выѣхавъ за городъ, Орша вдругъ обратился къ своему стремянному:

— А что, не видать Арсенія?

— Кажись, онъ здѣсь, бояринъ, отвѣчалъ стремянной, осматривая охотниковъ. — Ба, вонъ онъ ѣдетъ!

Въ это время къ Оршѣ подскакалъ молодой охотникъ и, почтительно поклонившись сказалъ:

— Прости, бояринъ, меня, что я замѣшкался.

— Дерзкій хамъ, въ другой разъ я велю бить тебя кнутомъ, строго сказалъ Орша, нахмуривъ брови.

— У меня забѣсился конь и чуть не убилъ меня, оправдывался Арсеній.

— Молчи! крикулъ Орша.

Арсеній молча слѣдовалъ за охотниками. Этотъ молодой слуга боярина Орши былъ очень красивъ; высокъ ростомъ, силенъ, благодаря богатырскимъ плечамъ, глаза, большіе, задумчивые, ласково глядѣли, алыя губы добродушно улыбались. Красивъ былъ Арсеній, что и говорить! Съ этимъ согласны были всѣ дѣвицы и молодцы Кіева, которыя не разъ заглядывались на красиваго оршинскаго холопа. Но, видно красота мало радовала Арсенія, потому что онъ большею частію былъ задумчивъ и грустенъ: казалось, какая-то тайная тоска грызла его сердце молодецкое.

Долго продолжалась охота; много затравили охотники зайцевъ, лисицъ и волковъ. Счастливая охота очень хорошо повліяла на расположеніе духа боярина Орши, и онъ ласково разговаривалъ со слугами. А между тѣмъ боярышня Наташа сидѣла у окна своей свѣтлицы и пристально смотрѣла вдаль. Вотъ раздался топотъ лошадиныхъ копытъ, и Наташа, вздрогнувъ, внимательно начала смотрѣть въ окно. Охотники въѣзжали на дворъ. Вдругъ Наташа ярко вспыхнула, и глаза ея заблестѣли счастіемъ... Дѣвушка видимо кого-то увидала.

— Ты горишь вся, ягодка моя, сказала ей Власьевна.

— Няня, няня! вскричала Наташа, бросаясь на грудь старушки.

— Что съ тобою, родная?

— Няня, вѣдь я люблю... тихо сказала Наташа.

— Кого, милая?

— Ой, няня, страшно и сказать.

— Такъ вотъ ты почему не хочешь идти замужъ за Друбецкого, ты ужъ любишь, начала Власьевна.

— Да, няня, я люблю; но Боже мой... вѣдь это—не счастье пришло ко мнѣ, а горе страшное горе...

— Эй, дитятко, не пугай меня!

— Я люблю, няня... знаешь кого?

— Скажи, ягодка.

Тутъ Наташа приложила губы къ уху старухи и тихо шепнула:

— Арсенія.

— Какого-такого? спросила няня.

— Арсенія, холопа батюшки моего.

Власьевна вскрикнула и схватилась заголову; ее точно обухомъ по головѣ ударили. Она долго не могла слова выговорить и только удивлённо смотрѣла на Наташу, словно угадывая, ужъ не помѣшалась ли ея боярышня.

— Ой, что ты, что ты баешь, родная! проговорила она, наконецъ;—ну, услышитъ бояринъ, не шути...

— Люблю, повторила Наташа, и вѣкъ буду любить его, моего Арсенія!

— Да знаешь ли ты, глуненькая, что выйдетъ, если узнаетъ про все это твой батюшка? Ой, страшно думать!

— Ужъ, видно, судьба моя такая горемычная, грустно отвѣчала Наташа.

— Какъ же ты полюбила его? спросила Власьевна.

— А ужъ и сама не знаю, какъ. Разъ я гуляла въ саду, какъ вдругъ волкъ, котораго поймалъ батюшка въ лѣсу, сорвался съ цѣпи и бросился на меня. Я очень напугалась и закричала, и плохо пришлось бы мнѣ, если бы въ это самое время не подоспѣлъ ко мнѣ на помощь бравый молодецъ, одинъ изъ слугъ батюшки. Онъ схватилъ волка за горло и отбросилъ въ сторону, а меня увезъ изъ сада. Это былъ Арсеній. И ужъ такъ онъ мнѣ полюбился, что и сказать не знаю.

— Ахъ грѣхъ, ахъ грѣхъ! крестилась Власьевна, — что теперь намъ дѣлать?

— Не знаю, няня. но мнѣ грустно и скучно. Божій свѣтъ не милъ, сказала дѣвушка.

— Слушай, дитятко, нужно этого самого Арсенія удалить куда-нибудь, а то долго ли—родитель твой узнаетъ, бѣда будетъ и тебѣ; а Арсенія онъ, кажись, живого въ землю закопаетъ. Ты знаешь, каковъ бываетъ родитель во гнѣвѣ. Пусть Арсеній уѣдетъ куда нибудь въ другую вотчину нашего боярина, авось тогда ты и забудешь его.

— Нѣтъ, не забуду, онъ такой ласковый, добрый, красивый, говорила Наташа.

— Ой, дитятко, бѣда будетъ и мнѣ вмѣстѣ съ тобой!

Въ это время вошелъ въ свѣтлицу бояринъ Орша и сказалъ:

— Сейчасъ пріѣдетъ къ намъ Друбецкой, пойдемъ въ низъ Наташа.

Дѣвушка страшно поблѣднѣла и молчала,

— Батюшка, наконецъ сказала Наташа, позволь мнѣ остаться здѣсь.

— Это зачѣмъ?

— Не могу я идти внизъ.

— Вѣдь тамъ сидитъ молодой гость можетъ полюбится, а тамъ и за свадебку сказалъ Орша.

— Нѣтъ, батюшка, я не пойду за него замужъ, твердо отвѣчала Наташа.

— Развѣ молодецъ не нравится?

— Нѣтъ онъ ничего, но

— Ахъ, капризница ты у меня, сказалъ Орша. — Ну, иди, не сердиля меня старика.

И проговоря это, онъ вышелъ. Наташа знала, что не исполнить желанія отца, значитъ страшно огорчить его, а поэтому,

собравшись съ духомъ, вышла внизъ. Тамъ она опять увидала молодого боярина Друбецкого. Чрезъ нѣсколько времени Орша вышелъ, и такимъ образомъ молодые люди остались одни.

Вотъ Друбецкой подошелъ къ Наташѣ, взялъ ее за руку и тихо, ласково проговорилъ:

— Боярышня, скажи мнѣ отъ всего своего сердца, любъ я тебѣ или нѣтъ?

Маленькая ручка Наташи освободилась, и она отвѣчала:

— Бояринъ, если ты добрый человѣкъ, то оставь меня въ покоѣ.

— Значитъ, я тебѣ не нравлюсь?

— Я не знаю тебя... но... но я никогда не буду твоей женой, твердо сказала Наташа.

— Боярышня, у тебя есть какая-то тайна, сказалъ Друбецкой, ошеломленный признаніемъ Наташи.

— Оставь меня, я не могу быть твоей женой, повторила дѣвушка.

— Боже мой! вскричалъ несчастный молодой человѣкъ,—только зачѣмъ я на свѣтъ родился? О, знаешь ли ты, боярышня, какъ

люблю тебя! Вѣдь съ перваго взгляда я готовъ отдать тебѣ всю жизнь!... И вдругъ ты говоришь мнѣ, что я не любъ тебѣ!..

— Нѣтъ, ты славный, утѣшала его Наташа, но замужъ...

— За меня не пойдешь.

— Нѣтъ.

— О, зачѣмъ ты, матушка, родила меня на свѣтъ Божій? вскричалъ отчаяннымъ голосомъ молодой человѣкъ. О, я безталанный, о несчастный!

Какъ ни жаль было Наташѣ Друбецкого, но она только молчала, не въ силахъ болѣе утѣшить молодого человѣка.

Потомъ онъ вдругъ поспѣшно всталъ и выбѣжалъ вонъ. Тутъ тотчасъ же вошелъ въ горницу бояринъ Орша.

— Что случилось? спросилъ онъ, оглядывая дочь.

— Не знаю, батюшка; тихо отвѣчала Наташа.

— Ты отказала ему?

— Я сказала ему, что никогда не буду его женою.

— О, несчастная! вскричалъ Орша, подходя къ дочери съ сверкающими глазами:— скажи, за что ты терзаешь меня?

— Батюшка, я все исполню для тебя, но не отдавай меня замужъ за Друбецкого.

— Да знаешь ли ты, капризная дѣвченка, вскричалъ Орша, что если ты не будешь женою Друбецкого, то я буду клятвопреступникъ! Нѣтъ, нѣтъ, я не доживу до такого позора, не острамлю свои сѣдины!

— Я лучше готова умереть, чѣмъ быть женою его, твердо сказала Наташа.

— Умереть! Да лучше мнѣ видѣть тебя въ могилѣ, чѣмъ не женою сына моего друга, сказалъ Орша.

— О, батюшка, я твоя, дѣлай, что хочешь; но нѣтъ, я не могу быть женою друга... его... молодого Друбецкого.

Бѣшенство овладѣло бояриномъ Оршей при такой стойкости дочери. Еще въ первый разъ жизни она оказывала ему непослушаніе его воли.

— Слушай, Наталья, сказалъ онъ, ты можетъ смѣешься надо мной?

— Нѣтъ, батюшка, я твердо рѣшила и не шучу.

— Такъ знай же, непослушная дѣвчонка что ты будешь сидѣть у меня взаперти, никуда тебя не выпущу! закричалъ Орша.

— Воля твоя.

Наташа покорно опустила голову и съ грустью размышляла о перемѣнѣ судьбы своей.

— Пошла вонъ! приказалъ гнѣвно отецъ.

Дочь вышла и, придя въ свѣтлицу, горько заплакала. Власьевна начала ее успокоивать.

— Не горюй, не тоскуй, моя пташечка, авось родитель перемѣнитъ гнѣвъ на милость.

— Няня, сказала съ отчаяніемъ въ голосѣ Наташа, мнѣ и отца жаль, да и угодить я ему не могу.

— Что жъ, знамо дѣло, безъ любви не любо идти за человѣка.

— Не могу, няня.

— А все виноватъ этотъ головорѣзъ Арсеній, вѣдь коли бы не онъ, окаянный, то ничего этого не было бы, сказала Власьевна.

— А безъ него я не могу жить, прошептала Наташа.

— Да чѣмъ онъ тебя приворожилъ, душегубъ! Охъ, не чистое тутъ дѣло: знать, самъ демонъ хочетъ погубить твою душеньку.

— Арсеній для меня дороже всего на свѣтѣ.

— Эхъ. еще молода ты, ягодка, вся любовь твоя пройдетъ живо, какъ увидишь кого еще лучше.

— Нѣтъ, Іняня я никого больше не полюблю, рѣшила Наташа.

Въ это время гдѣ-то раздалась заунывная пѣсня, а голосъ былъ такой пріятный, нѣжный.

— Это онъ поетъ, сказала Наташа.

— Кто онъ? удивленно спросила Власьевна,

— Арсеній, отвѣчала дѣвушка и подойдя къ окну, заслушалась унылой пѣснью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тревожное счастье.

Мрачнѣе тучи ходилъ по своему терему бояринъ Орша послѣ разговора съ дочерью. Онъ часто хмурилъ свои сѣдыя брови и сквозь зубы бормоталъ:

— Упрямая дѣвчонка! Какъ теперь я скажу ея отказъ Друбецкому? Что будетъ съ нимъ? Кажись, онъ сильно полюбилъ дѣвчонку и врядъ ли ожидаетъ себѣ отказа. Ну, впрочемъ, авось все дѣло обойдется благополучно, и Наталья броситъ свое упрямство. Да, помню, я тоже въ молодости былъ упрямъ... бѣда какъ упрямъ... она въ меня... Нужно какъ-нибудь успокоить малаго... сказать, что это постоянная повадка дѣвичья, ломаться да мучить жениховъ.

И такимъ образомъ разсуждая, Орша самъ себя успокоилъ, и будущее казалось ему

полнымъ счастія. Онъ видѣлъ себя дѣдомъ, имѣющимъ въ рукахъ красиваго внука.

Потомъ бояринъ Орша приказалъ осѣдлать себѣ любимаго коня, которому имя было Вихорь, и когда его ему подвели, онъ вскочилъ на него и поскакалъ къ дому, гдѣ жилъ теперь бояринъ Друбецкой.

Молодого боярина онъ засталъ въ грустномъ настроеніи. Увидя Оршу, молодой человѣкъ вспыхнулъ, и глаза его заблестѣли какимъ-то огнемъ лихорадочной тревоги.

— Аль запечалился? спросилъ веселымъ голосомъ Орша.

— Веселиться, бояринъ, не отъ чего, поневолѣ запечалишься, отвѣчалъ Друбецкой.

— Что такъ? Аль денегъ мало?

— Денегъ, слава Богу, довольно: у насъ съ батюшкой не мало сундуковъ съ золотомъ.

— Иль конь захромалъ?

— И конь мой веселъ.

— Такъ что жъ за горе у тебя? Ужъ не дѣвица ли какая прельстила? улыбаясь, спросилъ Орша, смотря на собесѣдника.

— Зачѣмъ ты спрашиваешь объ этомъ, бояринъ? горько сказалъ Друбецкой.— Знаешь ты, что не легко мнѣ теперь, когда я испыталъ такое огорченіе, когда

меня унизили... Вѣдь я не холопъ какой-нибудь, чтобъ меня такъ снѣсивиться.

— О чемъ ты говоришь?

— Я говорю о томъ, что дочь твоя сказала мнѣ, что она не можетъ видѣть меня и чтобы я не показывался ей на глаза, а не то, что смѣлъ бы свататься къ ней... Да, горько и обидно становится послѣ такихъ словъ, да и отъ кого же? Отъ дѣвушки, которую любишь больше всего на свѣтѣ, которой душу готовъ бы отдать.

И, проговоря это, Друбецкой въ волненіи началъ ходить по комнатѣ.

— Какъ, что... что ты сказалъ? заговорилъ быстро Орша, — какъ, дочь моя Наталья отказала тебѣ?

— Отказала. Она сказала прямо мнѣ, что никогда не будетъ моей женой.

— Ахъ она мерзкая дѣвчонка! вскричалъ Орша.

— Не брани ее, бояринъ, она сказала мнѣ то, что подсказываетъ ей ея сердце, а я пословицу хорошо знаю: насильно милъ не будешь. Что жъ, ужъ вѣрно судьба моя такая, что, не знать мнѣ радости. Буду проситься у Царя-Батюшки на войну, пусть убьютъ меня ляхи, а здѣсь мнѣ дѣлать нечего.

— Слушай, началъ Орша, взявъ за руку молодого человѣка, слушай, не отчаивайся,

ILLEGIBLE

а, скажи только мнѣ: очень ты любишь мою дочь?

— Больше жизни.

— Ну, такъ вотъ что я скажу тебѣ: она, дочь моя Наталья, будетъ у тебя... твоя будетъ... вотъ мое тебѣ слово... ты, не бось, повѣришь мнѣ. Давай руку твою; ну, развеселись.

— Бояринъ, ты отецъ ей, ты можешь, по своей волѣ, выдать ее за кого тебѣ угодно, и она послушается тебя. выйдетъ, но какова будетъ ея жизнь, если она пойдетъ подъ вѣнецъ какъ на плаху? Весело ли жить съ женой, которая не любитъ тебя?

— Э, полно, пріятель: стерпится—слюбится! Я помню, какъ выдавали за меня покойную жену,—сильно плакала бѣдняга; а потомъ жили словно голуби. Авось и Наталья полюбитъ тебя, отчаиваться, дружище, не надо.

— Нѣтъ, бояринъ, не дождаться мнѣ этого счастья, грустно сказалъ Друбецкой.

— Э, пустое, главное—не тоскуй, не горюй, а Наталья будетъ твоя и будетъ любить тебя, ты, слава Богу, молодецъ хоть куда. У меня, вѣдь, она еще молода, ну и пугается, какъ дескать выйду изъ родителькаго дома.

Друбецкой не отвѣчалъ, но видно было, что онъ плохо вѣрилъ словамъ Орши, и

не было у него надежды получить счастье обладать прекрасной дочерью боярина Орши.

Орша уѣхалъ отъ Друбецкаго, думая, что утѣшилъ молодца, а въ самомъ дѣлѣ и самъ увѣренъ былъ, что Наташа полюбитъ и охотой выйдетъ за Друбецкого.

Вернемся теперь къ Наташѣ. Она сидѣла, глубоко задумавшись, и грустно глядѣла на широкій дворъ. Начинало смеркаться. Вдругъ Наташа услыхала какой-то стукъ въ дверь. Она стала прислушиваться. Вотъ дверь отворилась, и дѣвушка, широко открывши глаза, слабо вскрикнула...

Въ свѣтлицу входилъ Арсеній. Лицо его было блѣдно, глаза испуганно озирались по сторонамъ.

— Боярышня, сказалъ онъ, ради Бога, не пугайся; если ты крикнешь, то я погибну.

Что чувствовала Наташа въ эту минуту—трудно сказать. Щечки ея пылали яркимъ румянцемъ, глаза блестѣли.

— Боярышня я пришелъ просить тебя, чтобъ ты спасла меня.

— Я? спросила Наташа, и сердце ея сильно забилось.

— Ты, боярышня, отвѣчалъ Арсеній.

— Разскажи же, что нужно тебѣ.

— Боярышня, ради Бога выслушай меня, началъ еще тише Арсеній. Вчерашній день меня послалъ бояринъ, твой батюшка, въ слободу, и такъ какъ дѣло было очень спѣшное, то онъ приказалъ мнѣ ѣхать на его лошади. Ты, небось, знаешь, боярышня, каковъ конь Вихорь? Это птица, а не лошадь. И вотъ я поскакалъ. Вдругъ случилась предо мной рытвина глубокая, скакунъ мой какъ прыгнетъ! — но прыжокъ былъ неудаченъ, и Вихорь переломилъ себѣ ногу. Теперь я не знаю, какъ сказать объ этомъ боярину: онъ убьетъ за любимаго коня. О, боярышня, я знаю твою ангельскую добрую душеньку, ты спасешь меня!

— Бѣдный сказала Наташа.

Она видѣла, какъ былъ напуганъ Арсеній, какой страхъ и ужасъ выражался въ его красивыхъ глазахъ.

— Успокойся, наконецъ проговорила она, я все сдѣлаю для тебя, что въ моей будетъ волѣ.

— Голубушка ты, моя боярышня! вскричалъ Арсеній и, опустившись передъ нею на колѣни, поцѣловалъ у ней руку.

Въ это время кто-то гдѣ-то застучалъ, Арсеній вздрогнулъ.

— Прощай, боярышня, сказалъ онъ, прости что потревожилъ тебя.

И онъ низко поклонился Наташѣ.

— Да, да, будь спокоенъ, я сдѣлаю для тебя все, снова сказала она.

— А то такъ прощай, боярышня, грустно сказалъ Арсеній, — не видать мнѣ тебя, свѣтлаго солнышка, больше!

Онъ нѣжно глянулъ на дѣвушку и быстро исчезъ. Наташа долго смотрѣла ему въ слѣдъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣйствительно, все то, что говорилъ Арсеній Наташѣ, была правда. Когда бояринъ Орша послалъ его на своемъ Вихорѣ въ вотчину, Арсеній, какъ было сказано выше, такъ несчастливо ѣхалъ, что конь его переломилъ ногу. Съ грустью думалъ Арсеній, что много придется испытать ему отъ строгаго своего боярина. Когда Арсеній вышелъ отъ Наташи, то она горько заплакала, такъ жалко ей было Арсенія. Она съ ужасомъ думала, что ожидаетъ его отъ строгаго отца ея. На другой же день она отправилась къ отцу и нашла его въ довольно веселомъ настроеніи. Увидя дочь свою, онъ подумалъ, что она, наконецъ, рѣшилась выйти за Друбецкого, а поэтому ласково спросилъ ее:

— Ну, моя пташечка, какъ ночку спала?

— Слава Богу, батюшка, отвѣчала уныло Наташа.

— Что ты какая печальная?

— Мнѣ не здоровится, батюшка.

— Замужъ пора, шутливо сказалъ Орша.

— Батюшка, начала Наташа, сегодня хорошая погода, и мнѣ хочется подышать свѣжимъ воздухомъ, такъ позволь мнѣ прокатится съ няней моей Власьевной.

— Ступай, родная, ступай, ласкво отвѣчалъ Орша.

Наташа въ душѣ своей рѣшила, для спасенія Арсенія, дѣйствовать хитростью. Она составила себѣ планъ.

— Лошадь моя захворала, позволь взять твоего Вихоря.

— Бери, Наташа; но видишь другъ мой, я исполню твои прихоти, утѣшь и ты меня, не огорчай и ты меня.

Наташа поняла, что отецъ намекалъ о Друбецкомъ.

Нечего говорить, что Наташа не поѣхала кататься на Вихорѣ, а чрезъ нѣсколько времени снова явилась къ отцу и со слезами на глазахъ бросилась къ отцу на шею.

— Что съ тобой? удивленно спросилъ Орша.

— Батюшка, прости меня, прости! проговорила Наташа.

— Да, разскажи, что съ тобой, другъ мой? спросилъ енова Орша.

— Батюшка, у меня произошла бѣда, не осердись на меня!

— Говори, я послушаю.

— Твой любимый конь... Вихорь... онъ.. переломилъ себѣ ногу.. съ трепетомъ сказала Наташа,

— Какъ, Вихорь! вскричалъ Орша.

— Да, батюшка,

Бояринъ Орша сверкнулъ глазами и судорожно ломалъ свои руки,

— О, несчастнчя! вскричалъ онъ, какъ, же ты... какъ погубила любимаго моего коня?

— Онъ быстро бѣжалъ, потомъ ударился ногой о пень и...

Бояринъ Орша схватился за голову. Наташа съ грустью думала, что бы произошло съ бѣднымъ Арсеніемъ, если бы Орша узналъ, что онъ виновникъ гибели Вихоря.

Долго продолжалось молчаніе: наконецъ Орша проговорилъ:

— Очень ты огорчила меня, дочь моя, но дѣлать нечего, вѣрно ужъ судьба такая.

Черезъ нѣсколько минутъ Наташа удалилась. Орша, угрюмый, раскаживалъ по своей горницѣ, какъ вдругъ дверь отвори-

лась, и вошелъ его преданный слуга, стремянной Шемята. Этотъ человѣкъ имѣлъ самое непривлекательное лицо: рыжіе волосы торчали щетиной, косые глаза бѣгали какъ у мыши, кривой носъ былъ похожъ на носъ хищной птицы, и, кромѣ всего этого, Шемята былъ рябой, и про него товарищи часто шутили, говоря, что на его рожѣ черти горохъ молотили. Шемята тихо вошелъ и низко поклонился.

— Зачѣмъ? спросилъ Орша.

— Дѣло есть, бояринъ, отвѣчалъ тихо Шемята.

— Говори.

— Чтобы кто насъ не подслушалъ, бояринъ, дѣло секретное.

И, говоря это, Шемята озирался во всѣ стороны своими косыми глазами.

— Никого нѣтъ, говори, приказалъ Орша.

Тогда стремянной заговорилъ трепетнымъ голосомъ;

— Бояринъ, въ твоемъ домѣ поселился злодѣй, врагъ твой.

— Лжешь, гадина! закричалъ гнѣвно Орша, какой врагъ?

— Тебѣ нужно его удалить, чтобъ не дождаться какого-нибудь ужаснаго горя, продолжалъ Шемята.

— О комъ говоришь ты? спросилъ Орша. Кто мой врагъ?

— Онъ живетъ въ твоемъ домѣ.

— Скажи его имя.

Шемята молчалъ и наблюдалъ, какъ Орша сгоралъ любопытствомъ.

— Врагъ твой—слуга твой, наконецъ совсѣмъ тихо сказалъ Шемята.

— Слуга?

— Точно, бояринъ.

— Кто онъ? сурово спросилъ Орша.

— Твой слуга Арсеній.

— Арсеній? правду ли говоришь ты? вскричалъ Орша, сверкая глазами.

— Осмѣлюсь ли, бояринъ, врать тебѣ; коль ложь, прикажи казнить меня, отвѣчалъ Шемята.

— О, да! ты заслуживаешь полное и достойное наказаніе, если все это окажется клевета, проговорилъ строго Орша.

— Нѣтъ, бояринъ, правда, ничего я не выдумалъ.

— Что же ты замѣтилъ?

— Охъ, ужъ и сказать боюсь твоей милости.

— Говори, такъ договаривай, собака! вскричалъ Орша и схватилъ Шемяту за шиворотъ.

— Бояринъ... онъ... Арсеній... загналъ твоего коня... Вихоря... онъ погубилъ его... слабымъ и хриплымъ голосомъ проговорилъ Шемята.

— Врешь, гадкій песъ! закричалъ Орша.

— Клянусь, бояринъ!

— Врешь. Вихоря испортила моя дочь, она на немъ ѣздила.

— Бояринъ...

— Молчать, дьяволъ, я прикажу пороть тебя кнутами! я знаю Арсенія, ты по злобѣ на него захотѣлъ оклеветать его, сказалъ Орша.

— Бояринъ у меня есть доказательства.

— Ну, говори, но помни, что если все это ты навралъ, то я запорю тебя.

— Выслушай, бояринъ, началъ Шемята Когда ты послалъ Арсенія въ вотчину, то онъ такъ шибко скакалъ, что Вихорь, любимый конь твой, изломалъ себѣ ногу. Потомъ онъ струсилъ и, не зная, что дѣлать, рѣшился...

— Ну? спросилъ нетерпѣливо Орша.

— Рѣшился просить защиты у боярышни.

— Что говоришь ты?!..

— И боярышня обѣщала не выдать его, докончилъ Шемята.

— Эй, слуги! закричалъ громовымъ голосомъ Орша.

Когда холопы вошли, онъ приказалъ:

— Позвать ко мнѣ Арсенія!

— А мнѣ, бояринъ, позволишь уйти? спросилъ Шемята.

— Останься здѣсь, сказалъ Орша.

Шемята поблѣднѣлъ какъ мертвецъ и слабо проговорилъ:

— Позволь, бояринъ, уйти, Арсенiй узнаетъ, что это я...

— Молчать! крикнулъ Орша.

Черезъ нѣсколько минувъ вошелъ Арсенiй. Лицо его было блѣдно. Увидя Шемяту, онъ вздрогнулъ, словно крысу увидѣлъ.

— Ты Вихоря испортилъ? спросилъ Орша.

Арсенiй пуще поблѣднѣлъ и не могъ сразу ничего отвѣтить.

— Отвѣчай, собака!

— Прости, бояринъ, точно я, отвѣчалъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ Арсенiй.

Орша громко закричалъ слугамъ:

— Взять его и посадить въ холодную!

Арсенiя увели.

— Правду ли я сказалъ тебѣ, бояринъ? спросилъ Шемята весело.

— Пошелъ вонъ!

Когда Шемята вышелъ, бояринъ Орша, задумчивый и грозный, отправился въ свѣтлицу дочери.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Смутное подозрѣніе.

Когда бояринъ Орша вошелъ въ свѣтлицу дочери, то Наташа сейчасъ же замѣтила по лицу отца, что онъ чѣмъ-то недоволенъ.

— Ты видѣла Арсенія? спросилъ Орша, пристально смотря на дочь.

— Къ чему ты спрашиваешь это, батюшка? въ свою очередь спросила Наташа, чувствуя, между тѣмъ, какъ сердце ея тревожно забилось.

— Отвѣчай мнѣ, строго повторилъ Орша

— Онъ...

— Отвѣчай: ты ѣздила на Вихорѣ?

Наташа съ ужасомъ взглянула на лицо отца и тихо отвѣчала:

— Нѣтъ, батюшка.

— Зачѣмъ же ты наврала мнѣ?

— Мнѣ жалко было Арсенія.

— Гадкая дѣвчонка! бѣшено закричалъ Орша.

— О, батюшка прости меня! бросилась Наташа въ ноги отцу, но онъ сердито ее оттолкнулъ отъ себя.

— Молчи, гадкая! Ты знай съ этихъ поръ, что ни въ чемъ тебѣ не будетъ вѣры, а мерзавцу Арсенію прикажу дать ему заслуженное.

И, проговоря это, бояринъ Орша сердито хлопнулъ дверью вышелъ.

Оставшись одна, Наташа горько заплакала, будучи не въ силахъ объяснить себѣ, отъ кого могъ узнать отецъ о всей этой исторіи. Страшно жалѣла дѣвушка Арсенія, но теперь совсѣмъ не знала, какъ помочь ему. Въ это время къ ней вошла Власьевна, и дѣвушка бросилась къ ней на грудь, продолжая плакать.

— Что съ тобой, ягодка? участливо спросила старушка.

— О, Власьевна, отецъ все узналъ! воскликнула Наташа.

— Что узналъ?

— Про Арсенія.

Старушка начала охать и вздыхать.

— Ну, будетъ теперь бѣда! Придется потерпѣть молодцу Арсенію!..

— Что намъ дѣлать, няня?

— Будемъ молиться Богу, авось все устроится благополучно, сказала Власьевна,

авось бояринъ перемѣнитъ гнѣвъ на милость.

Наташа продолжала плакать.

— Слушай, дитятко, начала няня, что бояринъ теперь сдѣлаетъ съ Арсеніемъ?

— Ахъ, онъ прибьетъ его!

— Нужно какъ-нибудь пособить молодцу.

— Какъ же, няня?

— А вотъ слушай, родная, начала Власьевна.

Наташа съ надеждой въ глазахъ ближе подсѣла къ старой нянѣ, а та начала такъ:

— Ты, дитятко - скажи родителю своему, что тебѣ очень было жаль Арсенія, и ты, зная, что отецъ твой очень строгъ къ холопамъ своимъ, очень напугалась и рѣшилась всю вину принять на себя. Вотъ тогда родитель твой увидитъ только одну твою доброту.

— Ты, няня, хочешь, чтобы я призналась во всемъ своему батюшкѣ, сказала Наташа.

— Именно, дитятко, именно, торопливо отвѣчала Власьевна.

— Да, няня, это правда, лучше все сказать прямо.

И Наташа отправилась къ отцу. Она сказала ему все, какъ было дѣло, только умолчала о томъ, что Арсеній тайно при-

ходилъ къ ней въ свѣтлицу. Орша, выслушавши дочь, задумался.

— Дуракъ, что жъ онъ самъ не пришелъ ко мнѣ! зачѣмъ было врать, строго сказалъ онъ.

— Онъ боялся, батюшка, тебя, отвѣчала Наташа.

— Ты простишь его? прибавила она съ мольбой.

Бояринъ Орша молчалъ.

— Батюшка, продолжала Наташа, не жалѣй Вихоря, вѣдь тебѣ обѣщалъ подарить донского коня персидскій князь.

— Нѣтъ, сказалъ Орша, мнѣ очень жаль Вихоря. Много есть на свѣтѣ славныхъ коней, но такого нигдѣ нѣтъ... Вотъ за то и Арсеній понесетъ наказаніе... Я не выпущу его на свѣтъ Божій... онъ будетъ сидѣть въ тюрьмѣ три года.

Услыша это, бѣдная Наташа чуть не вскрикнула, но удержалась.

— Батюшка, сказала она, прости его, онъ не виноватъ.

Бояринъ Орша подозрительно глянулъ на нее и отвѣтилъ:

— Мое слово твердо, ступай и не смѣй мнѣ упоминать о немъ.

Съ грустью на сердце Наташа удалилась, слабо прошептавъ:

— Бѣдный Арсеній!

Въ этотъ же вечеръ Наташа опять услыхала стукъ въ окно, и вотъ снова показался Арсеній. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго, онъ весь дрожалъ:

— Ахъ! вскрикнула Наташа.

— Не пугайся, боярышня, это я пришелъ къ тебѣ, сказалъ грустнымъ голосомъ Арсеній, пришелъ я проститься съ тобой, надолго проститься: батюшка твой приказалъ посадить меня въ тюрьму.

Слезы покатились изъ прекрасныхъ глазъ Наташи, и она отвѣчала:

— Не горюй, добрый Арсеній, молись Богу, а я... я постараюсь освободить тебя.

— Боярышня! не губи ты себя! вѣдь бѣда будетъ, коли бояринъ узнаетъ, что ты хлопочишь за меня, и тебѣ будетъ горе, а мнѣ пуще того достанется, сказалъ Арсеній.

— Ахъ, мнѣ жаль тебя!

— Видно, ужъ такова судьба моя горемычная, сказалъ Арсеній, боярышня, быть можетъ, ужъ не выйду я изъ тюрьмы живой, не увидимся, мы съ тобой, дай я хоть на послѣдокъ скажу тебѣ... скажу, какъ ты мила мнѣ! Ахъ, боярышня, вѣдь ты мнѣ дороже всего! Я хоть простой холопъ, но сердце у меня есть и любить я могу... Не гнѣвайся на меня, боярышня, за глупыя и дерзкія слова, но Богомъ тебѣ кля-

нусь, что отъ всей души говорю тебѣ, закончилъ Арсеній.

На глазахъ его показались слезы, голосъ дрожалъ.

Наташа! бѣдная Наташа! Что должна ты чувствовать, слыша эти слова отъ человѣка, котораго ты любишь!

И она заплакала, горько заплакала.

— Прощай. прощай, боярышня! въ послѣдній разъ сказалъ Арсеній и быстро скрылся въ окнѣ.

Долго дѣвушка не могла придти въ себя, такъ жаль ей было бѣднаго молодца,

— Господи! шептала она, прости меня! Но я полюбила этого человѣка, полюбила всей душой! Съ ужасомъ думаю, чѣмъ можетъ кончиться моя любовь. Бѣдная, какъ строгъ батюшка, онъ убьетъ меня. Но лучше смерть получить, чѣмъ покорить свое сердце, заглушить любовь... Бѣдный Арсеній!

И долго еще несчастная Наташа тосковала и потомъ въ изнеможеніи опустилась на постель и тревожно заснула, часто просыпаясь. У ней начался даже какой-то бредъ.

На утро, когда Наташа сидѣла у окна, вдругъ нѣсколько слугъ провели по двору связаннаго Арсенія съ опущенной головой; блѣдный, печальный шелъ онъ и потомъ вдругъ, взглянувши на окно свѣтлицы, увидалъ Наташу. Взоры ихъ встрѣтились. „Будь

твердъ, все скоро кончится, и ты будешь счастливъ“, прочиталъ Арсеній въ глазахъ Наташи. „Не тревожь себя изъ-за меня, я буду теперь жить любовью къ тебѣ“, прочитала Наташа во взорѣ Арсенія. Вотъ вышелъ на крыльцо терема бояринъ. Лицо его было сурово, глаза гнѣвно глядѣли на осужденнаго.

— Запереть его пятью замками и приставить холопей! крикнулъ Орша, указывая на Арсенія.

— Все будетъ исполнено, бояринъ, отвѣчали холопы.

— Если онъ убѣжитъ, вы будете головой своей отвѣчать за него, снова сказалъ Орша.

И потомъ онъ удалился въ теремъ, спокойный, величественный. Слуги вскорѣ вернулись очень грустные.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Попытка къ спасенію.—Колдунъ.—Предсказаніе.

Прошло три дня, въ продолженіе которыхъ Наташа страшно скучала, вспоминая горькую участь несчастнаго Арсенія. Вд эти дни бояринъ Орша рѣдко видѣлся съ дочерью и, при встрѣчѣ, обходился съ нею весьма сухо и недружелюбно. Ему очень непріятно было, что Наташа приняла такое горячее участіе въ Арсеніи.

Прошло еще два дня, а Наташа все скучала страшно. Однажды. оставшись вдвоемъ съ Власьевной, она сказала ей:

— Няня, меня гнететъ ужасная тоска, не знаю, куда дѣваться, свѣтъ Божій не милъ.

— Э дитятко. молись Богу, все пройдетъ, утѣшала старушка.—Вотъ просись у батюшки ѣхать молиться въ монастырь, авось, Господь успокоитъ тебя.

Эта мысль няни очень понравилась Наташѣ, и она въ этотъ же день отпросилась у отца въ монастырь.

Бояринъ Орша отпустилъ ее вмѣстѣ съ Власьевной. Ему очень непріятно было видѣть тоску дочери.

— Замужъ, замужъ нужно выдать ее, часто думалъ онъ а то совсѣмъ дѣвка съ ума спятитъ

Монастырь, въ который собралась Наташа, находится въ десяти верстахъ отъ Кіева, на крутой горѣ, окруженный густымъ лѣсомъ. Пріѣхавши въ монастырь, Наташа горячо начала молиться, и дѣйствительно на сердцѣ дѣвушки стало легче. Дорогою назадъ, ѣхавши густымъ лѣсомъ, онѣ увидали низенькую хату, изъ которой раздавался какой-то глухой стонъ. Заинтересованныя этимъ происшествіемъ, Наташа и Власьевна рѣшились войти въ хату. Тамъ они увидали лежавшаго на лавкѣ старика съ длинною сѣдою бородой; онъ слабо стоналъ.

— Что съ тобою, дѣдушка?—спросила Наташа.

— Охъ, родимые, мочи нѣтъ, тяжко мнѣ,— отвѣчалъ старикъ.

— Аль не можется?—спросила Власьевна.

— Вѣрно смерть моя пришла,—простоналъ старикъ.

Наташа подала ему напиться воды; но

вдругъ старикъ вскочилъ на ноги, какъ ни въ чемъ не бывало.

Наташа и Власьевна съ удивленіемъ смотрѣли на него.

— Испугались? — спросилъ старикъ — Слушайте же. Я—колдунъ Яковъ, чай, слыхали?

Весь Кіевъ зналъ колдуна Якова, какъ предсказателя и знахаря. Поэтому обѣ женщины почти съ испугомъ смотрѣли на него.

— Вы думали, я вправду боленъ?—спросилъ колдунъ, улыбаясь.—Нѣтъ, родимыя, я здоровъ.

— А зачѣмъ же ты спрашивалъ насъ и стоналъ? – спросила Власьевна.

— А вотъ за тѣмъ, чтобызаманить къ себѣ, — отвѣчалъ хитрый старикъ. — Вотъ вы зашли ко мнѣ. гляди, подарите малую толику отъ щедротъ своихъ несчастному старцу; такъ-то, ха, ха, ха! А за это я вамъ предскажу вашу судьбу и раскажу, что ожидаетъ васъ въ будущемъ.

Наташа и Власьевна молча слушали колдуна. Вотъ онъ подошелъ къ печкѣ. разложилъ огонь и началъ кипятить воду въ чугунѣ.

Огонь пылалъ какимъ-то зеленоватымъ огнемъ, лучина трещала. Потомъ Яковъ взялъ какой-то порошокъ и всыпалъ его въ котелокъ, потомъ положилъ какихъ-то кореньевъ. Долго стоялъ надъ котелкомъ

старикъ и вдругъ началъ шептать какія-то непонятныя слова. Во всей хатѣ наступило гробовое молчаніе. только паръ вился клубами.

— Вотъ, вотъ онъ.., началъ колдунъ, вотъ онъ молодецъ... онъ въ глубокой ямѣ... а тутъ идетъ къ нему дѣвица красная... цѣпи пилитъ... А вотъ взвился коршунъ... У-у, какой у него клювъ острый... Заклюетъ онъ голубицу... въ клѣтку желѣзную посадилъ... ключъ забросилъ... томится пташка...

Наташа слушала и дрожала всѣмъ тѣломъ. Чѣмъ-то ужаснымъ отзывались предсказанія старика.

А онъ продолжалъ:

— Томится, томится пташка въ клѣткѣ... вотъ она падаетъ... кричитъ.... но нѣтъ спасенія... не слышитъ ее никто... Молодецъ тоскуетъ, но не достать ему пташечки... Далеко она отъ него... Посмотрѣлъ молодецъ... лежитъ пташечка ни жива, ни мертва...

Вругъ огонь погасъ и въ хатѣ стало темно. Обѣ женщины вздрогнули и жались другъ къ другу.

— О, мнѣ страшно! — прошептала Наташа.

— Уйдемъ, дитятко, вишь, онъ что бормочетъ.

— Молчите.... бѣгите... коршунъ заклю-

етъ васъ! — вдругъ закричалъ колдунъ и началъ бѣгать по хатѣ.

— Дѣдушка что съ тобой — спросила Власьевна.

— Онъ, онъ... коршунъ близко, бормоталъ колдунъ.

— Дѣдушка, кому ты это предсказывалъ? — спросила Власьевна.

— Пташкѣ... ей... молодой дѣвицѣ, — указывалъ на Наташу колдунъ.

— Мнѣ? — спросила Наташа.

— Тебѣ, — отвѣчалъ колдунъ.

— Какъ же мнѣ понять все?

— А понимай, какъ знаешь.

— Когда же это сбудется?

— Скоро.

— Я буду въ клѣткѣ?

— Въ желѣзной клѣткѣ?

Наташа задумалась. Потомъ она спросила:

— А что будетъ съ молодцемъ, который сидитъ взаперти?

— Много горя онъ переноситъ.

— А счастья у него развѣ не будетъ?

— Умретъ онъ съ горя, — отвѣчалъ старикъ.

Наташа вздрогнула. Волей-неволей, а она вѣрила предсказаніямъ колдуна.

— А мнѣ что будетъ? — спросила няня.

Колдунъ посмотрѣлъ на нее взялъ за руку и отвѣчалъ:

— Умрешь не своею смертью.

Власьевна такъ и вскрикнула, очень напугалась.

— Господи помилуй!—сказала она перекрестившись.

— Умрешь, умрешь, — грозно сказалъ Яковъ,—умрешь и похоронена не будешь, злые звѣри растащатъ твои кости.

— Выйду ли я замужъ? спросила Наташа.

Старикъ захохоталъ и сердито потомъ посмотрѣлъ на дѣвушку.

— На томъ свѣтѣ, а не на этомъ

— Такъ у меня и не будетъ никакого счастья?

— Поздно, боярышня, поздно, нѣтъ тебѣ счастья, горе, горе у тебя впереди, жди и молись!..

Старикъ снова упалъ на лавку и опять застоналъ.

Тогда Наташа, думая, что старикъ потому говорилъ такія ужасныя и страшныя предсказанія, что ему не даютъ денегъ, вынула изъ кармана нѣсколько монетъ и подала ихъ старику. Онъ взялъ и сказалъ:

— Благодарю, боярышня, буду постоянно молиться за упокой твоей души.

Опять дѣвушка вздрогнула.

— Пойдемъ, Власьевна,—сказала она—я боюсь.

— Пойдемъ, дитятко,—отвѣчала Власьевна.

Онѣ простились съ колдуномъ и вышли. Всю дорогу Наташа была печальна. Предсказаніе колдуна очень на нее повліяло, и она не могла отдѣлаться отъ грустнаго настроенія.

— Полно, ягодка, не тоскуй, — успокаивала ее няня,— старикъ все вретъ, мало ли что ему вздумается сказать. Что тебѣ бояться? Все теперь благополучно.

Наташа тяжело вздохнула.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Тайное свиданіе.

Бояринъ Орша, какъ мы видѣли выше, далъ обѣщаніе молодому князю Друбецкому, что дочь его Наталья, будетъ его женой. Теперь, видя. что Наташа все еще не чувствуетъ никакой любви къ Друбецкому. Орша находился въ страшномъ гнѣвѣ. Однажды онъ отправился къ Друбецкому и засталъ того въ печальномъ настроеніи духа.

— Что пригорюнился добрый молодецъ? спросилъ весело Орша.

— Не весело, бояринъ, отвѣчалъ Друбецкой, не подымая головы.

— А что же нужно тебѣ? продолжалъ Орша.

— Точитъ змѣя лютая мое ретивое сердце, а что за печаль тоска, того никому не

скажу, въ могилу съ собой унесу, грустно отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Мнѣ и не говори; ужъ я знаю.

— Не знаешь, бояринъ.

— Анъ, знаю!

— Знаешь? молодой бояринъ глянулъ на Оршу.

— Какъ не знать, чай, зазноба-то твоя не далеко отъ меня живетъ, шутливымъ голосомъ сказалъ Орша.

Друбецкой вспыхнулъ и замолчалъ.

— Не горюй, не тоскуй, добрый молодецъ, скоро счастливъ будешь.

— Не обманывай меня бояринъ.

— Для чего обманывать правду говорю.

— Слушай, бояринъ, ладно, я скажу тебѣ все, что у меня на душѣ: сильно люблю я дочь твою! ну, она, что она?

— Спрашивала объ тебѣ, отвѣчалъ прямо Орша, желая дать какую-нибудь надежду влюбленному, чтобы онъ нн отчаивался.

— Спрашивала?!

— Да, и поклонъ прислала.

— О, неужели! О, не обманывай, бояринъ, а то я съ ума сойду!

— Говорю правду, отвѣчалъ Орша.

— Что же... какъ она сказала?

— Такъ вотъ и сказала: куда, говоритъ ѣдешь? Къ князю Друбецкому, говорю. Ну, а она: кланяйся, скажи, что къ намъ не ѣздитъ.

— О, неужели?!.. какъ я счастливъ!

— А ты еще все горевалъ! Не горюй казакъ—атаманомъ будешь.

— Бояринъ... вѣдь я... я жизни хотѣлъ лишить себя.

— Что ты говоришь! Ну, братъ, это не годится, не хорошо бабой быть.

— Что жъ мнѣ было дѣлать. Самъ я себѣ не радъ былъ.

— Неужто и впрямь такъ любишь?

— Не могу сказать, какъ люблю: трудно передать все...

— Хорошее дѣло, замѣтилъ Орша.

— А она... она не любитъ меня?

— Пустое... Говорю тебѣ, такого красавца всякая дѣвица полюбитъ... ты не думай, что моя Наталья не любитъ тебя, она молода еще, робѣетъ. А вотъ попривыкнетъ, ну и другое дѣло... нельзя все съ перваго раза... А ты ужъ и зарюмилъ. Эхъ, пріятель, мало ли на свѣтѣ красавицъ, обо всѣхъ не переплачешься!

Друбецкой повеселѣлъ. Всему, что говорилъ Орша, онъ охотно вѣрилъ и думалъ про себя:

— А что, можетъ и въ самомъ дѣлѣ полюбитъ: не уродъ же я какой, а она еще молода, правду говоритъ бояринъ.

— Ну, будетъ объ этомъ, вдругъ проговорилъ Орша, повѣрь мнѣ, что она будетъ тебѣ женою, а не кому-нибудь другому: а теперь же, дружище, прикажи поставить бутылочку венгерскаго,

— Вина! крикнулъ Друбецкой.

Холопы явились и принесли вина. Орша началъ съ удовольствіемъ пить: онъ изрѣдка любилъ кутнуть. Друбецкой тоже пилъ, еще болѣе становясь веселѣй.

Между тѣмъ Наташа, страшно тоскуя о своемъ миломъ дружкѣ Арсеніи, часто плакала и горевала. Наконецъ, она однажды сказала своей нянѣ:

— Няня, голубушка, мнѣ страшно тяжко!

— Попей крещенской водицы, родная проговорила Власьевна, и все пройдетъ.

— Няня, что-то теперь бѣдный Арсеній? Какъ онъ?

— Что жъ, онъ мужчина, терпѣливъ, не наша сестра женщина.

— Нѣтъ, онъ страшно страдаетъ.

— Ну, не вѣкъ будетъ томиться, вы пустятъ.

— Вѣдь три мѣсяца онъ долженъ просидѣть, няня, вѣдь съ ума должно сойти!

— Ну, это только бояринъ нашъ сгоряча сказалъ, авось проститъ.

— Нѣтъ, няня, ты не знаешь отца, онъ что скажетъ, то исполнитъ.

— А теперь авось и проститъ его, невѣсть что сдѣлалъ малый.

— Знаешь, няня, мнѣ хочется взглянуть на него, утѣшить его, тихо сказала Наташа.

— Кого, родная?

— Арсенія.

— Ой, что ты, дитятко, да развѣ это можно? вскричала няня.

— Можно осторожно, никто не узнаетъ.

— Ай, ягодка, что ты задумала: да не шутишь ли ты?

— Нѣтъ, няня, я уже рѣшила, а ты помоги мнѣ, твердо проговорила Наташа.

— Ахъ, ты! Вѣдь если бояринъ узнаетъ, такъ онъ и не вѣсть что сдѣлаетъ со мной, испуганно сказала Власьевна.

— Не бойся, няня, не узнаетъ, мы ночью пойдемъ.

— Да куда же?

— Въ темницу.

— А какъ же сторожа?

— Они пропустятъ меня.

— Но вѣдь, они скажутъ батюшкѣ, и тогда что будетъ?

— Я упрошу ихъ, они не скажутъ: они всѣ любятъ меня и не захотятъ мнѣ сдѣлать зло.

— А что они подумаютъ? Скажутъ, если увидятъ, что молодая боярышня идетъ ночью къ холопу, да еще заключенному.

— Я скажу, няня, что принесла ему отъ родныхъ письмо, что меня послалъ батюшка.

— Ой, дитятко, не ходи! уговаривала Власьевна.

— Пойду, няня.

— Подумай, что будетъ, если бояринъ узнаетъ.

— Мнѣ все равно, я рѣшилась, отвѣчала Наташа.

И какъ старушка не уговаривала смѣлую дѣвушку, она твердила:

— Пойду, пойду, утѣшу несчастнаго, онъ скучаетъ.

Власьевна начала дрожать отъ предстоящаго путешествія къ заключенному холопу, красавцу Арсенію.

Наташа твердо рѣшила идти къ Арсенію — и въ эту же ночь вмѣстѣ съ Власьевной отправилась къ заключенному.

Тюрьма, гдѣ былъ посаженъ Арсеній, находилать на концѣ двора. Это было высокое, мрачное зданіе, съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ. Ночь была тихая и темная,

Нигдѣ не раздавалось никакого звука, даже собаки замолкли и не лаяли. Обѣ женщины наконецъ, подошли къ тюрмѣ. Сторожъ спалъ крѣпко и, казалось, ничего не слыхалъ. Онѣ его окликнули.

—Кто идетъ? закричалъ онъ, хватаясь за топоръ.

—Тише, это я; ты узналъ меня? тихо спросила Наташа.

Сторожъ пристально на нее посмотрѣлъ и вдругъ сказалъ удивленно:

— Боярышня, вы ли это? Святъ, святъ!

Сторожъ началъ крѣститься, думая, ужъ не оборотень ли какой стоитъ передъ нимъ.

— Отопри тюрьму, я пришла къ заключенному Арсенію, принесла ему письмо, меня послалъ батюшка.

Наташа все это проговорила дрожащимъ голосомъ, сама чувствуя, какъ сильно бьется ея сердце.

Сторожъ, видя передъ собой дочь своего грознаго боярина и не смѣя ея ослушаться, отперъ тюрьму и зажегъ фонарь. Мыши такъ и заскакали по грязной каменной лѣстницѣ, а въ воздухѣ запахло сыростью. Вотъ Наташа начала подниматься по лѣстницѣ которая слабо трещала отъ ветхости. Власьевна и сторожъ шли сзади. Наконецъ, сто-

рожъ отперъ еще дверь, и наташа вдругъ вскрикнула: на голомъ полу она увидала Арсенія. Онъ смотрѣлъ и, казалось, не вѣрилъ своимъ глазомъ.

—Арсеній, тихо сказала Наташа

Трудно описать радость и счастіе Арсенія, когда онъ узналъ свою любимую боярышню. Онъ даже не могъ сначала говорить.

— Боярышня, ты ли это!? О, я тебя ли вижу, не сонъ ли это!?

Сторожъ въ это время вышелъ, такъ что Наташа могла не стѣсняться. Она положила Арсенію хлѣба, вина, калачей и проч. продуктовъ. Власьевна, съ своей стороны, тоже принесла заключенному, котораго она, надо сказать, жалѣла.

— Боярышня, Богъ наградитъ тебя! твердилъ Арсеній, цѣлуя руки дѣвушки съ какимъ-то упоеніемъ.

— Арсеній, отвѣчала Наташа, не тоскуй, потерпи еще немного, и все кончится... Я каждый день молюсь за тебя Богу.

— Ангелъ ты, боярышня! вскричалъ молодой человѣкъ.

— Знай, Арсеній, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который любитъ и часто думаетъ о тебѣ.

— О, чѣмъ, чѣмъ я заплачу за твои благодѣянія! Да, боярышня, теперь я ожилъ и не страшна мнѣ тюрьма: ты освѣтила ее своимъ приходомъ, даже умереть теперь мнѣ легко, вспоминая, что ты не забыла меня.

— Ты не умрешь, сказала Наташа ласковымъ словомъ.

Арсеній вновь поцѣловалъ ея руку.

— Пойдемъ, дитятко, пора, сказала Власьевна Наташѣ.

— Да, няня пора... могутъ узнать... Прощай, Арсеній... не тоскуй, тебя скоро выпустятъ, сказала Наташа.

Арсеній горько зарыдалъ, когда дѣвушка начала удаляться.

Сторожъ опять проводилъ Наташу и Власьевну и заперъ за ними дверь.

— Ты никому не говори, что мы были здѣсь, сказала ему Наташа.

— Что мнѣ говорить, боярышня, нехотя отвѣчалъ сторожъ.

— А это вотъ возьми себѣ...

Наташа подала ему золотую монету, которую онъ взялъ съ большой охотой.

Когда обѣ женщины удалились, сторожъ прошепталъ:

— Что за притча? Зачѣмъ это боярышня къ Арсюшкѣ приходила? Баетъ, что бояринъ послалъ, а сама вонъ: никому, гритъ, не говори... Чудно, пра, чудно! Ну, да мнѣ наплевать, у меня золотой есть, а тамъ мнѣ все равно. И бояринъ узнаетъ, такъ что такое, скажу: вашу дочь пропустилъ, нелязя — боярышня.

И сторожъ улыбнулся.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Смерть жениха.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ бояринъ Орша былъ у князя Друбецкаго, послѣдній самъ пріѣхалъ къ нему. Молодой человѣкъ, на этотъ разъ, былъ довольно невеселъ, чему, конечно, было причиной то, что его успокоилъ Орша.

Бояринъ приказалъ позвать дочь. Услыша, что внизу у отца сидитъ молодой Друбецкой, женихъ ея, какъ сообщили ей сѣнныя дѣвушки, она поблѣднѣла и внизъ сошла печальная и скучная. Посмотрѣлъ на нее Друбецкой и подумалъ:

— Вѣрно бояринъ Орша все выдумалъ, что она обо мнѣ спрашивала; сейчасъ вижу что она не любитъ меня.

Между тѣмъ Орша вышелъ, и опять молодые люди остались одни.

— Здорова ли боярышня? спросилъ Друбецкой.

— Нѣтъ, не можется, бояринъ, отвѣчала Наташа.

— Что такъ, аль простудилась?

— Должно быть, бояринъ.

Разговоръ прекратился. Друбецкой былъ тоже блѣденъ. „Все конечно! думалъ онъ: кого любятъ такъ не встрѣчаютъ“.

А Наташа въ свою очередь думала:

„Зачѣмъ же этотъ молодой бояринъ ѣздитъ къ намъ? Неужели онъ не видитъ, что я его не люблю? Пословица говоритъ: „Насильно милъ не будешь“, и потому, если батюшка отдастъ меня за него, я умру съ горя, а полюбить его не могу, не могу. Теперь одна мысль занимаетъ меня,—это, какъ живетъ Арсеній, что-то онъ бѣдный? О, если бы я могла, сейчасъ бы пошла къ нему!“

Вошелъ бояринъ Орша и сказалъ:

— Что замолкли? Ты что, бояринъ, словно дѣвица красная сидишь, слова не скажешь?

— Не о чемъ мнѣ здѣсь разговаривать, сказалъ Друбецкой, не занимательны будутъ мои разговоры боярышнѣ.

Орша сурово посмотрѣлъ на дочь.

— Что, Наталья, плохо занимаешь гостя?

— Не можется мнѣ, батюшка, отвѣчала грустно Наташа.

„Хоть убей ты меня, отецъ, но не могу я полюбить его“, думала она.

Видно было, что Орша былъ въ душѣ страшно гнѣвенъ; глаза его метали молніи, зубы скрипѣли. Вскорѣ Друбецкой всталъ и простился.

— Ты что это вздумала? грозно сказалъ Орша, подходя къ дочери.

— Что, батюшка? спросила Наташа.

— Какъ что! Ты знаешь ли, что у тебя былъ сейчасъ женихъ.

— Не любъ онъ мнѣ, батюшка.

— А, такъ ты противъ воли родительской хочешь идти! закричалъ Орша.

— Батюшка, не отдавай меня за него; не любъ онъ мнѣ, просила Наташа.

— Я хочу, чтобъ ты шла за него, не хочешь лаской, такъ я силой заставлю.

— Батюшка!

— Молчать, негодная дѣвчонка! Ты своего счастья не сознаешь! Велю вѣнчать тебя съ Друбецкимъ, и дѣлу всему конецъ!

Наташа не могла удержаться отъ слезъ и горько заплакала.

— Нечего ревѣть, слово мое твердо, сказалъ Орша.

— Выслушай меня, батюшка! вскричала Наташа, падая передъ отцомъ на колѣни.

Орша сурово оттолкнулъ ее ногой.

— Ни слова! проговорилъ онъ, завтра же ты будешь женою Друбецкому; дѣло кончено, я рѣшилъ,

— О, лучше убей меня!

— Дура! Ты меня должна благодарить, что я выдаю тебя за хорошаго жениха, а ты еще вотъ какъ! За холопа нужно выдать тебя, гадкую дѣвчонку!

— Но я не люблю его! вскричала съ отчаяніемъ Наташа.

— Полюбишь. Ты еще глупа, счастья своего не понимаешь, послѣ меня же будешь благодарить.

Наташа продолжала плакать.

— Перестань, сказалъ Орша, слезы ничему не помогутъ, я рѣшилъ; а теперь ты ступай къ себѣ въ свѣтлицу и молись Богу, чтобы Онъ далъ тебѣ счастья въ твоей новой жизни.

Наташа обливаясь слезами, удалилась къ себѣ въ свѣтлицу и тамъ продолжала горько плакать. А бояринъ Орша долго расхаживалъ по своей горницѣ и думалъ свою думушку. Сѣдыя брови его были нахмурены, глаза мрачно смотрѣли.

— Отчего она не хочетъ идти за Друбецкого? думалъ Орша, кажись, онъ не уродъ какой-нибудь, молодецъ какъ слѣдуетъ.

Бояринъ Орша началъ подумывать, что ужъ не любитъ ли кого-нибудь Наташа. Но кого? Вѣдь она нигдѣ не бываетъ?

И Орша никакъ не могъ рѣшить этого вопроса. Онъ скорѣй склонялся къ тому, что Наташа просто еще молода.

Послѣ этого Орша приказалъ холопамъ собираться на охоту.

Теперь мы оставимъ боярина Оршу и послѣдуемъ за Друбецкимъ.

Молодой князь ѣхалъ домой очень печальный, сознавая, что Наташа его нисколько не любитъ. Онъ думалъ, что никто не рѣшится на ней жениться, если она его не полюбитъ. А все-таки ему было очень горько сознавать, что онъ для нея ничего не значитъ. Хотя бояринъ Орша и говорилъ ему, что къ нему Наташа, несмотря на свое настоящее равнодушіе, привыкнетъ, потомъ и полюбитъ, но Друбецкой не вѣрилъ этому. „Все кончено! шепталъ онъ, для меня нѣтъ счастія, все погибло!“

Друбецкой такъ былъ погруженъ въ свои мысли, что совершенно не замѣтилъ, какъ очутился за городомъ въ лѣсу. Его конь, почуявъ, что имъ не управляютъ, шелъ, шелъ и пришелъ въ лѣсъ. Мрачная тишина вѣкового лѣса еще больше усилила печаль молодого князя. Онъ чувствовалъ, какъ слезы просились изъ глазъ его. Настали сумерки, птицы замолкли, тишина была страшная, развѣ только конь нарушалъ ее своимъ фырканьемъ. Друбецкой повернулъ лошадь и поѣхалъ назадъ, не переставая думать о Наташѣ.

Вотъ выскочилъ на дорогу заяцъ, пугливо оглянулся по сторонамъ, утеръ лапками

мордочку и прыгнулъ въ кусты. Сильный запахъ сосновыхъ деревьевъ такъ и билъ въ носъ, перемѣшанный съ одуряющимъ запахомъ ландышей. А Друбецкой ѣхалъ и ничего не замѣчалъ, не замѣчалъ, какъ прутья деревьевъ хлестали его по лицу. Онъ выѣхалъ, наконецъ изъ лѣсу и очутился предъ глубокимъ оврагомъ. Остановясь на обрывѣ, Друбецкой посмотрѣлъ въ пропасть и невольно вздрогнулъ: точно могила казалось дно оврага. Вдругъ раздался пронзительный свистъ. Вскорѣ ему откликнулся такой же въ другой сторонѣ. Добрый конь князя приложилъ уши и косилъ огневые глаза. Не прошло и трехъ минутъ, какъ четверо лихихъ молодцовъ, вооруженныхъ дубинами и кистенями, окружили Друбецкого. Лица у нихъ были свирѣпыя и дерзкія. Молодой князь съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нихъ и спросилъ:

— Что за люди, чего надо?

— Деньги! отвѣчалъ одинъ изъ нахаловъ, замахиваясь дубиной.

— Прочь! крикнулъ князь, выхватывая саблю.

— Подавай деньги! повторилъ другой головорѣзъ, схватывая нашего всадника за ногу.

Друбецкой быстро замахнулся и ударилъ разбойника по головѣ саблею, такъ что тотъ, обливаясь кровью, упалъ на землю.

Тогда остальные три разбойника бросились на молодого человѣка и сбросили его съ коня. Напрасно онъ старался освободиться, шесть здоровыхъ рукъ не выпускали его.

— Теперь ты отъ насъ не уйдешь, говорили разбойники.

— Что вамъ нужно?

— Деньги.

— У меня нѣтъ съ собой.

— Врешь! Ребята, обыскивай его!

И въ мигъ разбойники начали раздѣвать Друбецкого, но ничего не нашли. Послѣ этого они, страшно разсерженые, стали ругать свою жертву.

— Чортъ его бы побралъ! Ни одной монеты нѣтъ!

— Ребята, бери съ него кафтанъ.

— Слушайте, сказалъ Друбецкой, я привезу вамъ денегъ, но не трогайте меня пустите.

— Ладно, насъ не обманешь, отвѣчали разбойники.

— Что съ нимъ дѣлать? спросилъ одинъ злодѣй.

— А вотъ что, отвѣчалъ другой и со всего размаху ударилъ Друбецкого по головѣ.

Со стономъ упалъ князь, не проронивъ ни слова, словно сосенка подрубленная во сыромъ бору. И не стало человѣка, и перестало биться ретивое сердце...

Тогда разбойники подняли его тѣло и бросили въ оврагъ.

— Теперь не уйдетъ, сказалъ одинъ злодѣй захохотавъ.

Другіе товарищи улыбались.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Неизвѣстный врагъ.

Прошло болѣе мѣсяца послѣ описаннаго происшествія. Бояринъ Орша уже успѣлъ почти забыть о смерти своего предполагаемаго зятя. Узналъ онъ о смерти его совершенно случайно: бывши на охотѣ, наткнулся на оврагъ, въ который былъ брошенъ юноша. Онъ сначала очень горевалъ и сообщилъ дочери.

Наташа перекрестилась, услыхавъ о кончинѣ своего жениха. Бояринъ Орша началъ подумывать о новомъ женихѣ для своей дочери.

Молодые кіевскіе бояре и князья наперерывъ просили у Орши руки его дочери, но онъ всѣмъ отказывалъ. Орша мечталъ вы-

дать свою дочь за одного московскаго боярина и уже началъ собираться въ Москву.

— Если теперь Наталья заупрямится, думалъ Орша, то силой выдамъ дѣвчонку.

Однажды бояринъ Орша вдругъ вспомнилъ о заключенномъ холопѣ своемъ Арсеніи. Онъ захотѣлъ его провѣдать, а потому и отправился, недолго думая въ тюрьму. Сторожъ крѣпко спалъ и совсѣмъ не слыхалъ, какъ подошелъ къ нему бояринъ.

— Собака! крикнулъ бояринъ и пнулъ ногой сторожа.

— Ахъ, бояринъ! вскричалъ разбуженный холопъ.

— Ты зачѣмъ сюда приставленъ? спросилъ Орша.

— Караулить, бояринъ.

— А зачѣмъ спишь?

— Я не спалъ... такъ...

— Дуракъ! Если еще разъ застану спящаго, самого въ тюрьму посажу.

— Виноватъ, бояринъ.

Орша былъ въ хорошемъ расположеніи духа и потому не особенно былъ строгъ къ сторожу. Вотъ онъ поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ темницу, но каково было его

удивленіе, когда онъ увидѣлъ Арсенія весело распѣвающимъ пѣсни.

— Тебѣ и тюрьма ни по чемъ, собачій сынъ! сказалъ сурово Орша.

Арсеній, увидя вошедшаго своего грознаго боярина, нахмурился и пересталъ пѣть. „Плохо будетъ“, подумалъ онъ.

— Коли тебѣ такъ весело здѣсь, такъ можно и поскучнѣе мѣсто найти продолжалъ Орша.

— Слезами горю не поможешь, бояринъ, отвѣчалъ Арсеній.

— А орать пѣсни нужно?

— Прости, бояринъ, но страшная тоска заставила меня.

— Тебя и посадили не веселиться. Ты песъ, погубилъ у меня лошадь; гдѣ теперь я возьму такую?

— Бояринъ, прикажи мнѣ, и я отправлюсь хоть въ Туретчину и приведу тебѣ такого коня, какого не только въ Кіевѣ, а во всей Москвѣ не отыщешь.

— Гдѣ жъ ты возьмешь его? уже мягче спросилъ Орша.

— Съ жизнью растанусь, а коня тебѣ приведу, отвѣчалъ Арсеній.

— А Вихоря зачѣмъ испортилъ?

— Прости, бояринъ, ненарокомъ я, видитъ Богъ, не моя вина.

— Такъ ты достанешь мнѣ турецкаго коня?

— Достану, бояринъ!

— Ну, ладно, будь по-твоему; но ежели надуешь, смотри, плохо будетъ.

— Смѣю ли, бояринъ!

— Ну, ладно, сиди, авось и подумаю.

И тутъ бояринъ всталъ и отправился изъ темницы. Арсеній покорно смотрѣлъ ему вслѣдъ. Вдругъ Орша вернулся и проговорилъ уже сердито:

— Ступай, я выпущу тебя, но смотри, на глаза не показывайся, гнѣвенъ еще я на тебя.

— Прости, бояринъ! Арсеній низко поклонился.

— Ступай, да помни, что бываю я милостивъ, но бываю и строгъ, о, какъ строгъ!

Зналъ Арсеній, что Орша очень и очень строгъ. Выходя вслѣдъ за бояриномъ, Арсеній не переставалъ благодарить боярина, но тотъ уже ни слова ему не говорилъ. Очутившись на свободѣ, Арсеній весело вздохнулъ полной грудью свѣжій воздухъ. У него даже голова закружилась, и въ глазахъ помутилось.

— Слава Тебѣ, Господи! сказалъ онъ набожно.

Онъ почти бѣгомъ отправился на боярскій дворъ къ товарищамъ, не помня себя отъ радости.

— Это она, она! твердилъ Арсеній, она, боярышня моя, хлопотала за меня. О, добрая, алмазная моя боярышня. Арсеній думалъ, что это постаралась за него Наташа, но читатель знаетъ, какъ опасно было ей говорить что-либо отцу. Бояринъ Орша имѣлъ слишкомъ подозрительный характеръ и могъ бы догадаться, что дочь его не изъ простого чувства состраданія хлопочетъ за красиваго холопа. Придя къ товарищамъ, Арсеній замѣтилъ, какъ всѣ удивились, увидя его. Всѣ любили Арсенія, такъ какъ онъ былъ со всѣми ласковъ и добръ.

— Ты ли это, Арсеній? спросилъ, вытараща глаза, конюхъ Антипъ.

— Я, братцы, я, самолично, весело отвѣчалъ Арсеній.

— Какъ же такъ... вѣдь тебя, кажись, бояринъ посадилъ на три мѣсяца? сказалъ стремянной Семенъ.

— А не прошло и двухъ, добавилъ конюхъ.

— Вѣрно, братцы, сказалъ Арсеній.

— Арсеній, такъ ты, значитъ, убѣжалъ? тихо спросили всѣ.

— Не пугайтесь, братцы, меня самъ бояринъ выпустилъ, а бѣжать развѣ я посмѣю, на то была боярская воля.

— Такъ бояринъ выпустилъ?

— Бояринъ, братцы, отвѣчалъ Арсеній, самъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что я могу итти, простилъ, значитъ.

— Слава Богу, сказали всѣ слуги.

— Да, братцы, радъ я, и какъ радъ!

— Еще бы, голова, кому охота въ темницѣ сидѣть.

— А я, братцы, продолжалъ Арсеній, обѣщалъ боярину достать хорошаго турецкаго коня взамѣнъ Вихоря.

— Гдѣ жъ ты его возьмешь?

— Отпрошусь въ Туретчину и куплю тамъ, у турокъ, чай знаете, какіе знатные есть кони.

— У кавказцевъ еще лучше, замѣтилъ стремянной Семенъ.

Долго еще Арсеній бесѣдовалъ съ товарищами, потомъ тихо вышелъ на широкій дворъ и глубоко задумался. Онъ думалъ о Наташѣ. Ему страшно хотѣлось видѣть ее, упасть на колѣни предъ ней и сказать ей, какъ сильно онъ любитъ ее и какъ благо-

даренъ за спасеніе. Но какъ пробраться въ свѣтлицу къ боярышнѣ? Этого Арсеній никакъ не могъ рѣшить. „Бѣда, если услышитъ бояринъ Орша“, думалъ съ трепетомъ Арсеній. Однако онъ тихо подкрался къ терему и посмотрѣлъ вверхъ. Въ окнѣ свѣтлицы свѣтился уголокъ, значитъ, Наташа сидѣла тамъ и не спала.

— Влѣзу въ окно, подумалъ Арсеній, будь что будетъ, двухъ смертей не бывать, а одной не миновать, подумалъ молодецъ, и рѣшилъ. Ловко подставилъ онъ лѣстницу и, какъ кошка, полѣзъ по ступенямъ.

— Голубушка моя! думалъ Арсеній, о, какъ мнѣ хочется видѣть тебя. Лѣзетъ по лѣстницѣ Арсеній, а у самого сердце такъ и стучитъ, такъ и стучитъ.

— Пропалъ я, коли увидятъ! Ну, а поймаютъ скажу, что воровать шелъ, не скажу, что любоваться боярышней, ей изъ-за меня достанется.

Вотъ Арсеній у окошка свѣтлицы достигнулъ. Приложился онъ къ стеклу и видитъ: сидитъ Наташа и, положивши на руки прекрасную головку, крѣпко о чемъ-то думаетъ.

— Экая красавица, чай, нигдѣ нѣтъ такой! подумалъ Арсеній. Ахъ не напужать бы ее. Онъ тихо стукнулъ въ раму и уви-

далъ, какъ дѣвушка вздрогнула, вышла изъ своей задумчивости и глянула прекрасными глазами на окно.

— Это я, Арсеній, отозвался нашъ молодецъ, не пужайся, боярышня.

— Арсеній! вскричала Наташа, быстро вставая.

— Я, боярышня...

Наташа и удивилась и очень обрадовалась.

— Какъ же ты... сказала она, ты убѣжалъ?

— Нѣтъ, боярышня, меня бояринъ отпустилъ.

— Отецъ?!

— Твой родитель, дай Богъ ему здоровья, простилъ.

— О, Арсеній, какъ я рада! вскричала Наташа.

А тутъ взошла полная луна и освѣтила своими блѣдными печальными лучами эту картину: молодой, статный парень на лѣстницѣ у терема, боярышня прекрасная, и оба весело таково смотрятъ. Въ это время гдѣ-то хлопнула дверь, и оба влюбленные вздрогнули и поблѣднѣли. Но испугъ ихъ былъ напрасенъ: это была старушка Власьевна.

— Боярышня, да гдѣ ты? спросила она, не вижу тебя что-то.

— Я здѣсь, няня.

— Съ кѣмъ ты разговариваешь?

— Тише, няня, тише, это Арсеній здѣсь, сказала Наташа.

— Арсеній?

— Я, Власьевна, отозвался Арсеній, прости Христа ради...

— Да какъ ты!..

— Меня бояринъ выпустилъ, отвѣчалъ Арсеній.

Старушка тоже обрадовалась и ласково глядѣла на молодца. А Арсеній былъ очень счастливъ; но въ то же время и страхъ пробиралъ его, такъ что, какъ говорится, мурашки по спинѣ забѣгали.

— Прощай, боярышня, наконецъ сказалъ Арсеній тихо.

— Прощай, Арсеній, нѣжно сказала Наташа, прощай...

— О, боярышня, благодарю тебя за все, за ласку, за доброту, страстно проговорилъ Арсеній.

— Я люблю тебя, Арсеній, и все готова для тебя сдѣлать, но спѣши, бѣда будетъ тебѣ, если увидитъ кто.

— Что мнѣ, сказалъ Арсеній, я не жалѣю себя; умереть мнѣ за тебя сладко будетъ, и умру, лишь бы ты была счастлива!

— Спѣши, спѣши, родной, сказала тихо Власьевна.

— Иду, бабушка, прощай, родная, сказалъ Арсеній.

— Прощай, Арсеній.

Онъ еще разъ поклонился и сталъ спускаться внизъ. Луна все еще свѣтила ярко. На дворѣ было тихо, только иногда залаетъ собака. Арсеній очутился на землѣ и бросился бѣжать, весело думая, что его никто не видалъ. Но онъ ошибся: человѣкъ одинъ подсматривалъ за нимъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Опасный врагъ.

Бояринъ Орша, въ то время, какъ счастливый Арсеній разговаривалъ съ его дочерью, крѣпко спалъ и не зналъ и не подозрѣвалъ о дерзкой смѣлости своего холопа. Но видѣлъ Арсенія кой-кто другой. Это былъ тотъ преданный боярину рыжій слуга, котораго мы уже видѣли разъ. Этотъ рыжій человѣкъ страшно не любилъ Арсенія и старался на каждомъ шагу ему вредить. Онъ подсматривалъ и теперь за Арсеніемъ и, видя, какъ тотъ влѣзъ въ окно свѣтлицы боярышни, злорадно прошепталъ:

— Ага, пріятель, ты вонъ на какія штуки подымаешься! Ну погоди же, будетъ тебѣ! Сгніешь ты въ тюрьмѣ, коли скажу боярину. Да, теперь ты весь въ моихъ рукахъ, и что хочу сдѣлаю съ тобою, то и сдѣлаю

И, прошептавъ это, рыжій тихо побрелъ къ себѣ, раздумывая, какъ сказать о томъ боярину.

Между тѣмъ, бояринъ Орша пришелъ однажды къ своей дочери и сказалъ ей:

— Ну, Наталья, я скоро поѣду въ Москву и привезу тебѣ новость, да хорошую.

— Съ Богомъ, батюшка, отвѣчала ласково Наташа.

— Привезу тебѣ жениха, продолжалъ Орша, и думаю, что понравится онъ тебѣ.

— Батюшка, не выдавай ты меня замужъ, молила Наташа.

— Да вѣдь ты еще не видала жениха? спросилъ Орша. Коли покойный Друбецкой не понравился, этотъ по вкусу придется: молодой, знатный, красивый и богатый. Москвичка любая пойдетъ за него.

— Не хочу я замужъ, твердила дѣвушка.

Бояринъ Орша разсердился.

— Дура, что жъ ты старой дѣвкой хочешь остаться? Не люблю я старыхъ дѣвокъ, лучше въ монастырь отдамъ тебя, тамъ и скоротаешь свой вѣкъ.

— Воля твоя, батюшка.

— Да что съ тобой сталось? Отчего дурь такая въ голову попала? Кажись, прежде ты не была такою. Ужъ не испортилъ ли кто тебя?

— Нѣтъ, батюшка, я всегда была такою, отвѣчала Наташа.

— Ну, ладно, будетъ объ этомъ толковать, а жениху, небось, не смѣй отказывать. Привезу молодца, такъ губы не надувай, все равно замужъ отдамъ, рѣшилъ бояринъ Орша. Потомъ онъ сердито хлопнулъ дверью и вышелъ.

А вечеромъ въ этотъ же день бояринъ Орша позвалъ къ себѣ старуху Власьевну, и сказалъ ей:

— Слушай, старая, что сталось съ моей дочерью?

— А что, бояринъ? отвѣчала старушка.

— Дуритъ, замужъ не хочетъ.

— Молода еще, бояринъ.

— Пустое, моложе замужъ выходятъ. Нѣтъ, не понравился ли ей какой молодецъ?

— И, полно, бояринъ, отвѣчала Власьевна.

— Слушай, старая, гнѣвно сказалъ Орша, если ты что-нибудь скрываешь отъ меня, то тебѣ будетъ плохо. Любитъ кого-нибудь Наталья?

Власьевна твердо рѣшила не выдавать своей любимицы.

— Кого ей, бояринъ, любить? Сидитъ она день деньской дома, въ свѣтлицѣ у себя, какъ пташка въ клѣткѣ.

— Отчего же замужъ еще не хочетъ?

— Женихи должно не нравятся?

— Друбецкой чѣмъ не женихъ былъ, и молодъ, и красивъ былъ, задумчиво проговорилъ Орша.

— Хорошій былъ бояринъ, отвѣчала Власьевна.

— Слушай, снова заговорилъ Орша, ты подсматривай за ней, а когда она будетъ спать, прислушивайся, не проговорится ли.

— Слушаю, бояринъ.

— Если будешь вѣрна мнѣ, награду получишь отъ меня; если нѣтъ, строго накажу.

— Ладно, бояринъ.

— Вѣдь ты баловница Натальи, смотри, не набалуй на свою голову...

— Помилуй, бояринъ, пожелаю ли я зла боярышнѣ? сказала старуха.

— Ну, теперь вотъ ты мнѣ что скажи: нравится ей кто-нибудь изъ молодыхъ витязей кіевскихъ? спросилъ Орша.

— Не могу знать, бояринъ.

— Врешь, старая!

— Божусь, ыояринъ.

— Врешь! Она съ тобой обо всемъ болтаетъ.

— Мало ли о чемъ говоримъ, а о молодцахъ и рѣчи не было, да гдѣ ей и видѣть ихъ?

— Въ церкви, на гуляньяхъ, мало ли гдѣ, сказалъ Орша.

— Въ церкви она молится, а на гуляньяхъ не бываетъ.

— Тутъ я видѣлъ: какой то молодецъ ѣздилъ все мимо нашихъ оконъ?

— Кто такой, бояринъ.

— А шутъ его знаетъ! Все на конѣ скакалъ. да глазища на свѣтлицу запускалъ. Чортъ его знаетъ, что ему нужно?

— Не замѣчала, бояринъ.

— Ты, старая хрычовка, ничего не замѣчаешь, ничего не видишь, разсердился Орша.

— Да мало ли ихъ, молодцовъ-то такихъ, мимо нашего терема ѣздитъ, какой-небудь витязь въ женихи хочетъ попасть къ боярышнѣ.

— А вотъ я ихъ гонять прикажу, сказалъ Орша.

И, проговоря это, бояринъ Орша всталъ съ мѣста и началъ ходить по горницѣ. Власьевна сидѣла и трепетала всѣмъ тѣломъ. Она думала:

— Избави Богъ, если бояринъ что узнаетъ объ Арсеніи? Страшно подумать, что тогда выйдетъ! И ему и ей бѣдняжкѣ— бѣда, въ землю зарывайся.

— Ну, теперь ты ступай, старая, сказалъ Орша, да смотри, все запомни, что я говорилъ тебѣ.

— Слушаю, бояринъ.

— А Натальѣ ничего не говори.

Власьевна поклонилась Оршѣ и съ низкимъ поклономъ удалилась.

Она тотчасъ же отправилась въ свѣтлицу боярышни и, увидя Наташу, горько заплакала.

— Что съ тобой, няня? испуганно спросила Наташа.

— Ой, родная, новое у насъ съ тобой горе, отвѣчала Власьевна.

— Няня, скажи, что такое? трепеща всѣмъ тѣломъ, спросила Наташа.

— Бояринъ въ Москву ѣдетъ.

— Я знаю, няня. Ну?..

— Хочетъ тебѣ жениха привезти.

— Я говорила ему, что не пойду замужъ.

— Да послушаетъ ли тебя бояринъ? Вишь, онъ теперь гнѣвный какой сталъ.

— Я лучше умру, а за нелюбимаго не пойду.

— Сейчасъ бояринъ меня къ себѣ требовалъ, сказала няня.

— Зачѣмъ?

— Спрашивалъ, не любишь ли ты какого молодца.

— Что жъ ты сказала?

— Говорю, что нѣтъ, что негдѣ тебѣ видѣть молодцовъ.

Наташа опустила прекрасную головку свою на бѣлоснѣжныя руки и грустно задумалась.

— Ахъ. несчастная моя судьба, сказала она съ отчаяніемъ. Зачѣмъ я горькая на свѣтъ родилась!

— Не горюй, дитятко, утѣшала ее Власьевна, перемелется — мука будетъ, не все тучи, скоро и солнышко проглянетъ.

— Не для меня, няня, отвѣчала Наташа грустно.

— Почему такъ, дитятко?

— Не для меня, потому что не знавать мнѣ на свѣтѣ семы радостей, видно одно горе претерпѣвать.

— Да полно отчаиваться, сокровище мое золотое, утѣшала няня.

— Что же мнѣ дѣлать, няня?

— О чемъ тебѣ горевать? Кажись, ты счастлива.

— А Арсеній? тихо сказала Наташа, и щеки ея вспыхнули.

— Ну, что жъ?

— Да развѣ ты не знаешь, няня, что я люблю его? Люблю и буду любить.

— Охъ, дитятко, на горе ты полюбила его, сказала Власьевна.

— Вѣрно, няня, вѣрно, сама знаю, что на горе, да что подѣлаешь: сердце, знать, такъ хочетъ.

— Забудь его, дитятко, ну и вправду ли: тебѣ ли, боярышнѣ, любить слугу?

— Какъ же я могу его забыть, коли онъ не выходитъ у меня изъ головы? сказала Наташа.

— А вотъ что, дитятко, ты скажи ему, — чтобы онъ отпросился у боярина и уѣхалъ бы куда нибудь, тогда и забудешь его.

— Нѣтъ, няня, не забыть мнѣ его.

Долго онѣ еще разговаривали, а въ это самое время злодѣй — рыжій стремянной, врагъ Арсенія, придумывалъ планъ мести.

— Пропалъ Арсюшка, говорилъ онъ, злорадно улюбаясь, голова его въ моихъ рукахъ.

И долго еще этотъ злой, безсердечный человѣкъ думалъ о томъ, какъ онъ погубитъ Арсенія. А погубить его онъ рѣшился твердо.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Гнѣвъ Орши.

Бояринъ Орша съѣздилъ въ Москву и вернулся очень веселымъ. Тотъ молодой бояринъ, котораго онъ прочилъ въ зятья, добивался жениться на Наташѣ. Теперь Орша съ удовольствіемъ думалъ, что наконецъ онъ достигъ своей завѣтной мечты,—мечты видѣть Наташу замужемъ и дождаться наслѣдника, который поддержалъ бы, не далъ бы погаснуть древнему роду бояръ Орши. О Наташѣ Орша не безпокоился, онъ думалъ, что, во-первыхъ, ее можно и припугнуть въ случаѣ надобности и приневолить, а во-вторыхъ, чай, она и сама неохотно помирится съ положеніемъ старой дѣвы. Орша послѣднее время нарочно держалъ дочь строго и никуда рѣшительно

не выпускалъ, чтобъ ей какъ можно скорѣе надоѣла дѣвичья жизнь: „Поскучаетъ; думалъ онъ, сама захочетъ замужъ“. И дѣйствительно, Наташа мало веселилась, она большею частію сидѣла дома, и единственный ея выходъ былъ въ церковь. Она бы, конечно, страшно скучала. но мы знаемъ, что ее поддерживала любовь. Постоянно думая объ Арсеніи, она не находила времени скучать, ей какъ будто какой то тайный голосъ подсказывалъ, что она будетъ счастлива, но... оказалось напраснымъ.

Однажды Наташа сидѣла одна въ своей свѣтлицѣ. Была ненарушаемая тишина. Дѣвушка находилась въ глубокой задумчивости. Вдругъ раздался слабый стукъ въ окно. Наташа вздрогнула, сердце у ней забилось. Она поспѣшно взглянула въ окно.

— Не Арсеній ли? подумала она.

Дѣйствительно, это былъ онъ. Глаза красиваго парня блестѣли, на блѣдныхъ щекахъ игралъ румянецъ. Въ эту минуту онъ былъ очень красивъ. Радостью пылали его глаза, когда онъ увидѣлъ Наташу, ту, которую онъ любилъ всѣмъ сердцемъ, больше жизни, больше счастья.

— Боярышня, тихо окликнулъ онъ.

— Ахъ, Арсеній, прошептала дѣвушка, застѣнчиво опуская глаза.

— Прости, боярышня, что явился опять

къ тебѣ какъ лиходѣй какой-нибудь... прости, что напугалъ.

— Нѣтъ, ничего, Арсеній... Тебѣ сказать нужно что-нибудь мнѣ?

— Да, боярышня, сказать напослѣдокъ... уѣзжаю я... такъ проститься пришелъ... голосъ Арсенія дрожалъ

— Уѣзжаешь? медленно проговорила Наташа.

— Уѣзжаю... Прощай, боярышня, не поминай лихомъ.

— Арсеній, да куда же... куда ты уѣзжаешь? вскричала Наташа.

— Далеко, боярышня.

— Зачѣмъ?.. Кто посылаетъ тебя?

— Никто не посылаетъ, боярышня, я самъ... самъ, бѣгу, бѣгу куда глаза глядятъ...

— Какъ!.. Зачѣмъ?.. едва выговорила Наташа.

— Затѣмъ, боярышня, что не могу я остаться здѣсь... Ахъ отчаяннымъ голосомъ проговорилъ Арсеній, говорить такъ — ужъ все говорить, все, что гнететъ душу и ретивое сердце! Боярышня, прости меня глупаго за мои слова, но Богъ видитъ, что отъ души говорю тебѣ, и скажу теперь потому, что врядъ ли когда свидимся: уйду я въ татарскія степи, и пусть убьютъ меня злые басурманы, а здѣсь мнѣ дѣлать нечего... Боярышня! я люблю тебя, люблю

больше жизни, но я слуга твоего родителя, а ты боярышня; знать не суждено мнѣ потому любить тебя. Лучше ужъ сразу все кончить, уѣхать, бѣжать и чтобъ никогда не видать тебя, а ты считай меня какъ бы умершимъ и иной разъ помолись за меня грѣшнаго! Ты, боярышня, невинная, душа у тебя чистая и непорочная какъ у ангела, Богъ услышитъ молитву твою... Да, прощай, боярышня?

— Нѣтъ, ты не уѣдешь, сказала порывисто Наташа.

— Эхъ, боярышня, подумай, что можетъ выйти? Вѣдь бояринъ можетъ узнать, что я вотъ бесѣдую съ тобой. Злыхъ людей много, они наскажутъ боярину и Богъ знаетъ что, хотя мы бесѣдуемъ съ тобой по-божески и ничего грѣшнаго нѣтъ у меня на душѣ. Пусть, если бы бояринъ узналъ, пусть онъ убьетъ меня, я не страшусь,— одинъ конецъ, но что выйдетъ съ тобой? Разгнѣвается твой родитель и, пожалуй, на вѣкъ проклянетъ. А ужъ теперь за одинъ конецъ... прощай, не поминай лихомъ, а я... я люблю тебя, боярышня!

Голосъ Арсенія дрожалъ все болѣе и болѣе, въ горлѣ его слышались слезы.

— Арсеній, сказала Наташа и... вдругъ остановилась: лицо ее сильно поблѣднѣло.

— Боярышня, ты жалѣешь меня? спросилъ Арсеній.

— Арсеній, вѣдь я тоже... люблю тебя, едва внятно сказала Наташа.

— О, боярышня, что говоришь ты правду ли! Вѣдь я съ ума сойду!

— Люблю!

Арсеній, какъ безумный вскочилъ на окно и очутился около Наташи, упалъ предъ ней на колѣни.

— Боярышня, ангелъ мой, шепталъ онъ, прощай... уѣду я... не буду ужъ больше видѣть тебя... знать, не знавать мнѣ радости!

— Арсеній, что же намъ дѣлать? нѣжно сказала Наташа, вѣдь я не знаю, что будетъ, если ты уѣдешь? Я скучать буду, мнѣ жаль тебя!

— Что жъ дѣлать, боярышня, ужъ знать судьба такая, нужно волей-неволей покориться... Забудь, забудь меня!

Наташа обняла его голову, долго смотрѣла на него, потомъ вдругъ порывисто, крѣпко обхватила его шею и крѣпко поцѣловала въ губы.

— Боярышня! вскричалъ Арсеній. И они какъ будто замерли, какъ будто застыли. Вдругъ что-то стукнуло. Молодые люди вздрогнули. Тогда чрезъ одно мгновеніе дверь отворилась, и на порогѣ свѣтлицы, съ фонаремъ въ рукѣ, предсталъ бояринъ Орша. Трудно описать, какъ страшный, нечеловѣческій гнѣвъ исказилъ лицо ста-

рика. Онъ стоялъ молча, словно истуканъ, и не могъ слова вымолвить. Блѣдные, дрожащіе стояли и любовники и тоже не могли пошевелиться съ мѣста.

— Ахъ! наконецъ вскрикнула Наташа.

Тогда Арсеній закрылъ лицо руками, какъ бы желая быть неузнаннымъ и быстро выскочилъ въ окно. Орша все продолжалъ смотрѣть на дочь. Взглядъ его былъ ужасенъ.

— Змѣя! вдругъ сказалъ онъ задыхающимъ голосомъ. Змѣя проклятая.

— Батюшка! воскликнула Наташа и упала безъ чувствъ на полъ. Когда она чрезъ нѣсколько минутъ очнулась, то услыхала грозный голосъ отца. Орша говорилъ рѣзкимъ голосомъ:

— Будь проклята, анаѳема! Отнынѣ ты не дочь мнѣ. проклинаю тебя! Змѣя, не хочу тебя видѣть, прочь съ глазъ моихъ. Орша отъ злости задыхался.

— И не увижу я тебя больше никогда проклятую! проговорилъ онъ мрачно. Да, прочь тебя, негодную, не могу я видѣть тебя, не оскверняй дома моего!

Въ это время вошла Власьевна Увидя распростертую на полу Наташу, старуха все поняла и смущенно, испуганно смотрѣла на боярина.

— А, и ты, старая вѣдьма, пришла! закричалъ Орша.

— Бояринъ!

— Молчи, чортъ, задушить тебя мало, подлую.

— О, бояринъ, прости!

— Молчи, вѣдьма!

— Убей меня, но ее, боярышню, помилуй: она невинна!

— Обѣ будьте вы прокляты! сказалъ Орша.

— Пожалѣй, бояринъ!

— Прочь съ глазъ моихъ! крикнулъ громко Орша.

Но Власьевна рѣшилась до послѣдней минуты защищать свою любимицу.

— Прости, бояринъ! молила она.

— О, старая вѣдьма, не серди ты меня!

— Бояринъ, я, я во всемъ виновата, а боярышня невинна! твердила Власьевна.

— Тогда Орша крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Эй, слуги, холопы! Возмите ее! приказалъ бояринъ Орша.

— Слушаемъ, бояринъ.

Холопы вывели Власьевну. Она горько плакала.

— О, подлыя твари, говорилъ Орша, погубили дѣвку! О, не стало у меня дочери, осиротѣлъ я, а еще недавно мечталъ о счастье... О, проклятіе! Орша выбѣжалъ вонъ какъ сумасшедшій; долго крикъ его раздавался по всему дому. Потомъ онъ опять

прибѣжалъ въ свѣтлицу и долго смотрѣлъ на помертвѣлую дочь. Наташа дѣйствительно лежала какъ мертвая, блѣдная, но прекрасная какъ ангелъ. Мрачно нахмурилъ сѣдыя брови свои Орша и думалъ

— Змѣя проклятая, злобно прошепталъ онъ.

— А чѣмъ бы, кажись, не дочь? и красива, и бѣла, какъ снѣгъ, и брови черныя, а теперь погибла, какъ собака! Долго стоялъ Орша, наконецъ проговорилъ:

— Рѣшено, у меня нѣтъ дочери!

Онъ быстро поднялъ Наташу на руки и вынесъ изъ свѣтлицы. Наташа все еще была безъ чувствъ. Бояринъ вынесъ ее изъ терема и пошелъ по двору. Ночь была темная, вѣтеръ уныло завывалъ. Вотъ Орша подошелъ къ мрачной двери темницы, гдѣ сидѣлъ Арсеній.

— Вотъ тутъ твоя могила, сказалъ онъ, тутъ же будетъ и онъ, проклятый злодѣй.

Орша внесъ дочь въ темницу, бросилъ ее на сырой холодный полъ и проговорилъ:

— Оставайся, змѣя!

Потомъ вышелъ, заперъ дверь и, немного подумавъ, вышелъ на берегъ широкаго Днѣпра и бросилъ въ синія волны его ключъ отъ темницы.

Онъ вернулся домой. Всѣ слуги притихли.

— Куда онъ дѣвалъ дочку-то? спросилъ стремянной.

— Должно быть въ темницу заперъ, отвѣчалъ конюхъ.

Вдругъ раздался громкій голосъ Орши:

— Эй, холопы, сюда!

Холопы мгновенно прибѣжали.

— Что угодно, бояринъ?

— Гдѣ Арсеній? спросилъ Орша.

— Не знаемъ, бояринъ.

— Разыскать его и привести ко мнѣ.

— Слушаемъ, бояринъ.

Слуги удалились и чрезъ нѣсколько времени опять пришли.

— Бояринъ, сказали они, вездѣ мы искали Арсенія, но не могли найти.

— Знать ни чего не знаю, найти мнѣ разбойника Арсенія, отвѣчалъ Орша.

— Онъ должно быть убѣгъ, сказалъ стремянной.

— Найдите Арсенія! закричалъ грознымъ голосомъ бояринъ Орша.

Слуги снова удалились,

Орша ходилъ по терему взадъ и впередъ и кричалъ:

— О, дайте мнѣ его, разбойника!

А холопы между тѣмъ разбѣжались по всѣмъ лѣсамъ и полямъ кіевскимъ, но они нигдѣ не могли найти Арсенія: онъ словно сквозь землю провалился.

— Братцы, сказалъ конюхъ, гдѣ же мы возьмемъ Арсенія?

— А гдѣ? Знамо онъ ужъ теперь далеко, чай, поди какъ струсилъ боярина, отвѣчалъ другой.

— А плохо будетъ ему бѣднягѣ, коли его бояринъ найдетъ.

— Бѣда! Вишь какъ бояринъ серчаетъ.

— Нѣтъ, братцы, намъ его не найти, рѣшилъ стремянной, Арсеній теперь поди далеко.

— Еще бы, знамо—въ Туретчинѣ,

— А то и далъше.

Такъ разговаривали холопы и, отдохнувши, вновь отправились искать Арсенія.

Гдѣ же Арсеній? Куда дѣвался?

Никто этого не зналъ и не вѣдалъ, онъ сгинулъ какъ былинка.

Слуги чрезъ нѣсколько дней, усталые и измученные, вернулись домой.

— Нѣтъ, бояринъ, нигдѣ нѣтъ Арсенія.

— Дураки! ступайте опять и гдѣ хотите, а найдите, закричалъ Орша.

Опять пошли слуги и опять нигдѣ не нашли Арсенія, хотя много верстъ обходили.

Наташа очнувшись съ ужасомъ увидала голыя, сырыя стѣны темницы, желѣзныя рѣшотчатыя окна, плѣсень по угламъ.

— Боже, я въ тюрьмѣ, сказала она, съ ужасомъ осматриваясь кругомъ. Сырой тяжелый воздухъ непріятно дѣйствовалъ на нее.

Наташа стала припоминать все происшедшее.

— О, Господи, прости меня! воскликнула она.

Она подошла къ окну и заглянула. Только одинъ широкій Днѣпръ видѣлся ей.

Наташа начала съ отчаяніемъ ломать руки, потомъ горько зарыдала.

— О, я несчастная, зачѣмъ я на свѣтъ родилась!

Потомъ она вспомнила объ Арсеніи.

— Бѣдный, гдѣ-то онъ? подумала она.

Она не понимала, сколько времени плакала, такъ что глаза ея распухли отъ слезъ, но она ничего не чувствовала.

Такъ прошло нѣсколько дней, и несчастная не переставала плакать, а между тѣмъ никто къ ней не приходилъ.

Она начинала кричать и стучать въ стѣну и дверь.

— Няня, няня! кричала она.

Но все было тихо, никто не откликался. Тогда бѣдная дѣвушка пуще начинала плакать. Отчаяніе придавало ей силы, она долго продолжала стучать.

— О, спасите, спасите!

Наконецъ она въ изнеможеніи упала на полъ. Слезъ уже у ней не было, голосъ превратился въ хрипѣніе.

Снова встаетъ она, снова кричитъ и стонетъ, но опять никакого отвѣта.

— О, Господи, пощади ,спаси меня, грѣшную! шепчетъ она.

И Наташа отчаянно падаетъ.

ГЛАВА XII

Заключеніе.

Прошло десять лѣтъ послѣ описаннаго происшествія. Бояринъ Орша уже давно умеръ, и кіевляне уже начали забывать его, только одно воспоминаніе осталось о немъ: это его высокій теремъ, который такъ и стоялъ все по прежнему. Говорилось, что въ термѣ Орши поселились черти и вѣдьмы, поэтому ночью тутъ никто не рѣшался проходить.

Былъ дождливый осенній день. По дорогѣ къ Кіеву пробирался какой-то путникъ. Онъ торопливо шелъ, не обращая вниманія, какъ дождь мочилъ его. Вотъ, наконецъ, онъ и въ городѣ. Онъ сталъ осматриваться кругомъ.

— Вотъ Кіевъ! сказалъ путникъ и набожно перекрестился.

Потомъ онъ пошелъ по берегу Днѣпра. Путникъ съ любопытствомъ продолжалъ озираться по сторонамъ.

— Кажется, скоро и завѣтный теремъ, сказалъ путникъ.

Но вотъ взошла луна и освѣтила лицо этого человѣка.

— Арсеній! воскликнулъ бы всякій, кто взглянулъ бы на него.

Дѣйствительно, это былъ Арсеній. Послѣ той ужасной ночи онъ убѣжалъ изъ Кіева и проживалъ во всѣхъ концахъ Россіи и другихъ государствахъ. Онъ часто думалъ о Наташѣ и часто молился о ней.

— Гдѣ-то она? думалъ онъ.

И теперь онъ шелъ къ терему Орши, чтобы какъ-нибудь увидать ту, которую онъ любилъ.

Вотъ, наконецъ, и теремъ Орши. Арсеній вздохнулъ.

— О, Господи! сказалъ онъ.

Онъ увидѣлъ, что въ теремѣ никто не живетъ, что онъ пустъ.

— Знать, никого ужъ и въ живыхъ нѣтъ, подумалъ Арсеній.

Онъ вошелъ во дворъ. Здѣсь все ему напоминало былое время и его былую любовь къ прекрасной боярышнѣ. Самый теремъ ужъ покачнулся, заборъ еле держался; пусто, мрачно было всюду. Арсеній шелъ по двору и глубоко вздыхалъ.

— Умеръ, знать, бояринъ нашъ, видно нѣтъ въ живыхъ и боярышни, о, Господи.

Арсеній вошелъ на крыльцо терема, и такъ какъ дверь была не заперта, то онъ вошелъ и въ теремъ. Унылыя, печальныя были горницы, гдѣ нѣкогда господствовалъ бояринъ Орша.

Долго ходилъ Арсеній по горницамъ, наконецъ сѣлъ и глубоко задумался. Онъ думалъ съ грустью о несчастной судьбѣ своей.

— Зачѣмъ я полюбилъ ее? зачѣмъ погубилъ себя? А она? была ли она счастлива? Гдѣ она?

Потомъ, тяжело вздохнувши, Арсеній вышелъ изъ терема, всталъ на крыльцѣ.

— Куда теперь мнѣ итти, думалъ онъ.

Вдругъ онъ увидалъ вдали темницу, ту темницу, гдѣ когда-то былъ посаженъ бояриномъ Оршей. Арсеній подумалъ:

— Пойду взгляну, гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ.

И онъ отправился. Вотъ, наконецъ, и темница. Тутъ тоже было пусто: уже не было обычнаго сторожа.

Арсеній сталъ подниматься вверхъ по мрачной, ветхой лѣстницѣ. Она страшно трещала, а падавшіе камни глухо раздавались эхомъ. Арсеній приблизился къ дверямъ темницы. Дверь была заперта на замокъ, который былъ страшно заржавленъ. Арсеній ударилъ его палкой, и онъ съ шумомъ упалъ

на каменный полъ. Тогда Арсеній отворилъ дверь и вошелъ въ темницу. Ужасный запахъ поразилъ его, и онъ невольмо закрылъ глаза. Когда онъ снова открылъ ихъ, то съ ужасомъ отшатнулся назадъ: на лавкѣ, въ углу, онъ увидалъ скелетъ, страшный, ужасный человѣческій скелетъ. Арсеній отскочилъ назадъ и въ ужасѣ дрожалъ. Долго онъ не могъ очнуться и притти въ себя. Наконецъ онъ собрался съ духомъ и подошелъ къ скелету. Вдругъ онъ отчаянно вскричалъ, схватившись за голову: „Она! Это она, боярышня Наташа...“

Онъ въ ужасѣ упалъ на колѣни. Онъ узналъ ее по прекраснымъ волосамъ и золотому крестику, который лежалъ у ногъ скелета.

— Боже мой! вскричалъ Арсеній, вотъ кого я любилъ! Это была прекрасная дѣвушка, съ ангельской добротой и неземною красотой! А теперь?—ужасный страшный скелетъ! О, отчаяніе душитъ меня!

Арсеній былъ въ большомъ волненіи и съ отчаяніемъ ломалъ свои руки. Онъ всталъ, наконецъ, и подошелъ къ скелету; взялъ за руку, но она съ шумомъ отвалилась отъ остова и упала на полъ. Арсенію стало невыносимо страшно, онъ чувствовалъ, что холодный потъ выступаетъ у него на лбу. „Зачѣмъ я пришелъ сюда? думалъ онъ. Развѣ мнѣ мало было въ жизни страданія?“

Наконецъ Арсеній послѣдній разъ взглянулъ на страшный скелетъ и выбѣжалъ изъ мрачныхъ стѣнъ темницы. Онъ быстро добѣжалъ до широкаго Днѣпра, долго смотрѣлъ въ его бурливыя синія волны и, наконецъ, проговорилъ:

— Прощай все, больше не могу жить!..

И Арсеній перекрестился и бросился въ волны Днѣпра. Черезъ минуту все стихло, а Арсенія какъ будто и не бывало никогда.

Черезъ нѣсколько лѣтъ высокій теремъ боярина Орши совсѣмъ развалился, и на мѣстѣ его другой бояринъ выстроилъ новый теремъ, а о теремѣ старомъ и самомъ Оршѣ всѣ кіевляне уже начали забывать.

КОНЕЦЪ.

Типограф. Н. Н. Булгакова, Варварск. пл., д. Волкова.

Торговля
Е. А. ГУБАНОВА
Никольская ул. домъ
графа Орлова-Давыдова
въ Москвѣ.

W381.5917B-P299b

W117112